

Украшения
Востока

Из коллекции
Патти Кадби Берч,
США

українська

for Patti with love —
Man Ray Dec 12 1941

Патті Кадби Берч
Фотографія Ман Рэ

«Украшения Востока.
Из коллекции Патти Кадби Берч, США»

ГМИИ им. А. С. Пушкина:
12 ноября – 12 декабря 1999 г.
Государственный Эрмитаж:
26 января – 19 марта 2000 г.

Выставка организована при поддержке Института
арабского мира, Париж, Франция

ШЕСТИ

Организационный комитет

Камиль Кабана,
президент, Института
арабского мира
Нассер Эль-Ансари,
Генеральный директор,
Института арабского
мира
Браим Алауи, Директор
департамента музея
и выставок Института
арабского мира
Ролан Жиль,
Департамент музея
и выставок Института
арабского мира
Эрик Дельпон,
Департамент музея
и выставок Института
арабского мира
Ирина Антонова,
Директор
Государственного музея
изобразительных
искусств им. А. С.
Пушкина
Виталий Мишин,
Заместитель директора
Государственного музея
изобразительных
искусств им. А. С.
Пушкина по научной
работе
Владимир Толстиков,

Заведующий Отделом
Древнего мира
Государственного музея
изобразительных
искусств им. А. С.
Пушкина
Наталья Смирнова,
Заведующая Отделом
нумизматики
Государственного музея
изобразительных
искусств им. А. С.
Пушкина
Михаил Пиотровский,
Директор
Государственного
Эрмитажа
Георгий Вилинбахов,
Заместитель директора
Государственного
Эрмитажа по научной
работе
Владимир Матвеев,
Заместитель директора
Государственного
Эрмитажа по выставкам
и развитию
Анатолий Иванов,
Заведующий Отделом
культуры и искусства
народов Востока
Государственного
Эрмитажа

Каталог

Координация: Эрик
Дельпон, Департамент
музея и выставок
Института арабского
мира
Редакторы: Кира
Искольдская, Ирина
Клопкова (ГМИИ им.
А. С. Пушкина)
Фотоматериалы:
Филипп Майяр
Макет и оформление:
с-альбом
Техническое руководство:
Джалал Алами
Эль-Идриси,
Паскаль Байе

Приветственное слово:
Ирина Антонова,
Михаил Пиотровский

Предисловие: Фриц Фок

Вступительные статьи:
Анни Кеворкян,
Стефано Карбони,
Патти Кадби Берч

Благодарности

Эрик Дельпон,
Департамент выставок
Института арабского
мира
Александр Щедринский,
Профессор Нью-
Йоркского университета,
Нью-Йорк
Михаил Каменский,
Заместитель директора
Государственного музея
изобразительных
искусств им. А. С.
Пушкина по развитию
Борис Перлов, Ученый
секретарь
Государственного музея
изобразительных
искусств им. А. С.
Пушкина
Зельфира Трегулова,
Заведующая Отделом
зарубежных связей
и выставок
Государственного музея
изобразительных
искусств им. А. С.
Пушкина

Информационная поддержка

Журналы «Афиша»,
«L'Officiel», «Новый мир
искусства», «Русский
Ювелир»; газета
«The Russia Journal»;
радиостанция
«Радио России»

Главный консультант
ГМИИ им. А. С.
Пушкина: ФБК

Я

Украшения
Востока

Из коллекции
Патти Кадби Берч,
США

Так случилось, что мне довелось увидеть восточные украшения из коллекции госпожи Патти Бёрч на выставке, организованной Институтом арабского мира в марте нынешнего года в Париже. Выставка поразила меня редкостью красотой, изысканностью и разнообразием представленных на ней экспонатов, загадочностью их происхождения, магической аурой, характерной для древних восточных предметов искусства. Владелица коллекции охотно откликнулась на предложение предоставить выставку для показа в Музее изобразительных искусств им. Пушкина в Москве. Таким образом музей продолжает традицию показа в своих стенах древних драгоценных украшений, которые наши зрители имели возможность видеть на выставках сокровищ Туганхамона, фракийского и скифского золота, сокровищ Трои. На этот раз они увидят изделия мастеров, работавших в основном в Северном Иране. Хронологические границы выставки необыкновенно обширны – от X–IX вв. до н. э. и кончая XIX столетием. Удивительно многообразие видов ювелирных украшений и технических приемов обработки золота, серебра, драгоценных и полудрагоценных камней. Для Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина – создателя первого в России Музея личных коллекций, посвященного истории собирательства, – настоящая выставка представляет особый интерес. Она знакомит нас с личностью своеобразного и редкого коллекционера. Госпожа Патти Бёрч с юных лет обнаружила не просто интерес, а пламенную страсть к искусству. Она привела ее в Музей Метрополитен – крупнейший музей США, где она стажировалась многие годы. Она же погрузила ее в волнующий и сложный мир художественных галерей. Сегодня Патти Бёрч – общепризнанный знаток художественной жизни не только США, где она является членом попечительских советов многих музеев, в том числе Музея Метрополитен и Музея современного искусства в Нью-Йорке. Она неутомимо участвует в работе Института арабского мира в Париже, венецианской Биеннале. Одно из излюбленных мест ее

деятельности и проживания – Марокко. Больше всего в людях искусства Патти Бёрч ценит верный глаз и выверенный вкус. Деятельная, артистичная, независимая – такой увидел ее в свое время знаменитый американский художник и фотограф Ман Рэй – автор многочисленных фотопортретов выдающихся деятелей искусства XX века. Такой она остается и сегодня. Мы благодарны госпоже Патти Бёрч за ее доброжелательность и деятельную помощь в организации выставки в Москве и Санкт-Петербурге, а также высоко ценим участие в ее подготовке г-на Браима Алауи – руководителя департамента музея и выставок Института арабского мира в Париже, Михаила Борисовича Пиотровского и Александра Щедрина.

Ирина Антонова
Директор Государственного музея
изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
Академик Российской Академии Образования
Член-корреспондент Российской Академии
художеств
Доктор honoris causa Российского
государственного Гуманитарного университета

ЗОЛОТО ИРАНСКИХ МАСТЕРОВ

Все очень просто – золото прекрасно тем, что блеск его подобен блеску Солнца и так же, как оно, вечен. Нежный цвет серебра как бы отражает мерцание Луны. С первых дней своих люди увидели это, и драгоценные металлы стали воплощением силы, страхов и надежды, которую несли им эти светила-божества. Украшения из этих металлов стали средством приобщения к могуществу, передавая мифы, верования и символы. Этот магический код есть во всех драгоценных украшениях, даже самых новых. Однако вневременное значение не мешает драгоценным украшениям быть точными документами смены эпох, стилей, культур и вкусов. Они же бывают лучшими обозначениями этнической или региональной принадлежности. Ювелирные изделия несут в себе бездну магической тайны, огромное удовольствие и обилие информации. Представляемая здесь уникальная коллекция связана с многовековой историей одной из самых богатых историей областей земли – Ираном, его северной частью.

Это – сам по себе целый мир, к которому принадлежали и древние племена Иранского нагорья X–VIII вв. до н. э., и скифы, кочевавшие по степям юга России. Круглая золотая подвеска еще раз напоминает нам о солнце. Торжественная эпоха Ахеменидской империи, славная огромными монументальными памятниками, оставила нам и изящные ожерелья и цилиндрики из лазурита – камня, чей небесный цвет надолго станет любимым ювелирами Ирана, и не только Ирана. Ахемениды много воевали с греками, и одним из результатов этих войн стало постепенное распространение греческой эстетики на Востоке. Искусство парфян, сменивших Ахеменидов, хорошее тому свидетельство. Золотые сосудики, подвешенные к ожерельям, придают их украшениям некоторую занимательность.

Сасаниды – династия раннего средневековья (III–VII вв.) – подарила миру высокие образцы синтеза восточных и греко-римских традиций. Использование цветных камней продолжает торжественную ахеменидскую традицию, а изящная зернь и филигрань находят себе отзвуки в традиции эллинистического мира. Овальные подвески с камнями посередине и с напаянными треугольниками кругленьких капелек прекрасны и тем, что этот мотив и этот стиль уже становятся вечными. При этом он неуловимо отличен в своем

иранском варианте и от древних греков, и от соседей-византийцев.

Древние ювелирные изделия – вещь крайне редкая. Они очень плохо сохраняются во времени из-за вечности их материала – золота. Его постоянно переплавляли, чтобы поправить материальное положение, или просто для того, чтобы создать украшение, соответствующее новой моде. Их редко находят при раскопках. И потому каждый кусочек из представляемой коллекции – уникален. Уникален и по красоте своей, и как символ власти и богатства. В древности и в средние века, да и сегодня, у золотых украшений множество функций. Они просто радуют глаз и одновременно служат средством мобильного сохранения богатства, средоточием капитала. Они являются знаком принадлежности к определенному социальному слою и талисманом, который оберегает от злых сил, храня в себе частичку доброй энергии с небес. Украшения используются для того, чтобы рассказать о себе другим (каков твой вкус и откуда ты родом) и чтобы радовать самого себя. Действительно вечный и не темнеющий металл доказывает в украшениях свою уникальность и право на то значение, которое люди ему придают. Когда арабы-мусульмане завоевали Иран и большую часть Византии, они построили в VIII в. в Иерусалиме храм «Купол Скаль», где в мозаиках изобразили висящие на растениях драгоценные украшения из золота и камней. В них легко узнается иранский стиль, и всякий приходящий понимал идею мозаик – победу над могущественным Ираном. А ученые получили прекрасный материал для сравнительных исследований.

Иран стал мусульманским и внес огромный вклад в развитие мировой мусульманской культуры, в которой немалое место заняли ювелирные украшения. Есть распространенное мнение, что ислам запрещает употребление золота в быту, видя в этом неприличную для мусульманина роскошь и гордыню.

Это и так, и не совсем так. Коран действительно относит золото к вещам, которые разрешены мусульманину только в раю. Но в раю будет и золото, и драгоценные камни, и богатые одежды. Золото становится как бы символом рая, райским металлом, а его употребление в быту – намеком на обещанные праведникам райские сады. Поэтому золотые монеты существовали и золото широко использовалось и в украшении зданий,

и даже в украшении рукописей Корана. Конечно же, подчеркнуто благочестивые мусульмане не носили шелковых одежд, и даже женщинам позволяли носить золотые украшения только дома, а не на глазах у всех. Впрочем, женщину вообще берегли от глаз толпы, и ее красоту, и ее драгоценности.

Правители же и их приближенные никак не могли не использовать украшения как символы власти и богатства. Да и торговцам порой было удобнее хранить часть имущества в виде украшений. Для кочевых и оседлых племен золотые украшения продолжали быть по старой традиции важнейшими социальными знаками, приданым, наследием, знаком принадлежности к определенному роду или этносу. Может быть, от них мусульманские золотые украшения прибрели, по сравнению с древностью, некоторую тяжеловесность и перенасыщенность разными видами узорных деталей, нанизанных рядом. Характернейшим примером могут служить ожерелья и богатые подвески, сплошь состоящие из монет.

Однако именно Иран стал одним из центров утонченного мусульманского ювелирного искусства. Техника зерни и филигрании достигла в IX–XI веках больших высот мастерства и утонченного вкуса. Почти прозрачные из-за филигрании золотые бусины, изящные многогранники с тончайшей зернью, решетчатые коробочки для магических записок соседствуют с тяжелыми браслетами для рук и для ног. Традиция употребления цветных камней, особенно синих и красных, приобрела особое звучание в мусульманских перстнях с печатями. Они содержат надписи, чаще всего формулы, восхваляющие Аллаха, и потому служили и действительными талисманами, и важными символами власти и собственности.

В XI в. в восточной части мусульманского мира политическая власть перешла в руки представителей тюркских племен – династиям Сельджукидов. Крайне благочестивые мусульмане, они, тем не менее, принесли в ювелирное искусство новые традиции. На ожерельях появляются подвески в виде животных и птиц, реальных и мифических. В своей основе они восходят к символам различных родов, но быстро вошли просто в систему художественных элементов, делая украшения веселее. Более массивными стали центральные подвески. То ли под влиянием Византии, то ли сама по себе расширяется мода на использование цветных камней как элементов узора.

Узор ювелирных изделий, как и в целом в исламском искусстве, состоял из разных вариантов абстрагированных растительных мотивов и из мотивов геометрических, многократно пересекавших поверхности изделий.

Эпиграфический орнамент – надписи употреблялись, как правило, «в готовом виде» – на разных печатях и монетах, включавшихся в украшение.

С течением веков украшения становятся все более изощренными и более объемными за счет употребления камней, цветных паст и эмалей.

Филигрании, узоры из тонких проволочек и капелек золота, гнезда для камней поражают своим мастерством и приверженностью к обилию деталей.

Поздние мусульманские династии – Великие Моголы, Османы, Каджары – очень любили драгоценные украшения, драгоценные камни и позднее – цветные эмали. Отзвуки этой тенденции к нескромной роскоши есть и в изделиях северно-иранских мастеров XVIII–XIX вв.

Ювелирные традиции в Иране не погибли, хотя их в равной мере ослабило и вторжение новых технологий, и массовое возвращение к фундаментальному благочестию. История красивых женских украшений не кончилась. Для ее продолжения и знакомства с ней всего мира очень важна эта прекрасная выставка и эта замечательная коллекция, которую она представляет. Собрать такую коллекцию крайне трудно. Очень нелегко ее систематизировать, ибо у нас очень мало сведений для надежного определения дат и мест изготовления. Ее трудно экспонировать, ибо вещи приходят к собирателю разрозненными и надо иметь смелость, чтобы предложить свои реконструкции украшений, особенно ожерелий. Для этого необходима огромная энергия, преданность своей цели и фанатическая увлеченность собирателя. Для этого нужна любовь и хороший выверенный вкус. Выставка показывает, что этим в полной мере обладает ее собирательница. Мы ей за это благодарны.

Михаил Пиотровский
Директор Государственного Эрмитажа,
Член-корреспондент Российской Академии наук
и Российской Академии художеств,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор исторических наук

УКРАШЕНИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Нужно ли перечитывать «Тысячу и одну ночь», чтобы представить себе роскошь Востока? Может быть, достаточно просто видеть произведения искусства, дошедшие до нас от цивилизаций Древнего Востока, чтобы оценить, насколько важной была роль украшений и изделий из золота и серебра? Терракотовая статуэтка III тысячелетия до н.э., найденная в Тюренг-Тепе на северо-востоке Ирана, изображает женщину со множеством ожерелий и браслетов. Фигурки конца III тысячелетия, тоже из терракоты, происходящие из Северной Сирии, представляют женщин с серьгами в ушах и с бусами; в статуэтках, обнаруженных в долине Инда, на головах у женщин диадемы с розетками. Найденные в Марлике около полувека назад, ритоны, относящиеся к так называемой «амлашской культуре» (около 1000 г. до н.э.), представляют людей или животных – буйволов, оленей и мифических птиц – с золотыми кольцами в ушах. Ахеменидские статуи и наскальные рельефы, парфянские гипогеи Пальмиры, сасанидские серебряные сосуды и блюда со сценами охоты, празднеств и пиров – все эти памятники свидетельствуют о неутолимой страсти Востока к предметам роскоши. В Иране с конца второго тысячелетия до н.э. в захоронениях, обнаруженных в Луристане, Хурвине, Хасанлу и Марлике, среди погребального инвентаря встречается множество золотых и бронзовых украшений: медальоны, похожие на солнечный диск, ушные подвески в форме граната или гроздей винограда, браслеты с навершиями в виде голов животных.

«Скифский» клад из Зивие, найденный в 1947 году в Курдистане, свидетельствует о традиционности изображения местными ремесленниками животных – баранов, львов и птиц, фигуры которых сильно стилизованы, что характерно для искусства степных народов. Противоположностью этой стилизации является откровенный натурализм, отличающий ахеменидское искусство (начиная с VI века до н.э.), хотя круг его излюбленных образов, одновременно и мифических и реалистических, тот же.

Здесь часто встречаются изображения схваток животных, например, боя быков или крылатых львов.

Искусство Парфии (250 г. до н.э. – 224 г.н.э.), вытеснив в III веке до н.э. искусство империи Александра Македонского, отличавшееся большим единообразием, обогатилось за счет внешних влияний. Парфяне, бывшие посредниками в торговле шелком между Китаем и Римской империей, привнесли в культуру Востока элементы западной цивилизации. Парфянская аристократия, об утонченности которой свидетельствуют и древние источники, и художественные памятники, любила богатые украшения. Ювелиры оправляли драгоценные и полудрагоценные камни – гранат, агат, яшму, лазурит, бирюзу, сардоникс, сердолик и халцедон в золото, добавляя элементы из стекла, хрусталя или фаянса.

В искусстве Сасанидов (224–651 гг.), усвоившем ахеменидские и парфянские традиции, важное место занимало изготовление золотых и серебряных украшений. Традиции этого, последнего, периода истории Древнего Ирана не были забыты и в наступившую затем новую эпоху. Искусство ислама поначалу развивалось в русле стилистических традиций Сасанидов, используя и их технический опыт, поэтому не всегда легко бывает отличить произведение VI–VII веков от памятника раннеисламского периода.

О той важной роли, которую играли украшения в древности, можно было бы сказать многое. Они часто применялись в качестве талисманов: выбор материала и цвета указывал на их магический характер. Орнамент – символ социального положения человека – нес смысловую нагрузку; даже в загробный мир человека сопровождали покрытые орнаментом украшения.

ИСЛАМСКИЕ УКРАШЕНИЯ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Изучение исламских украшений, претендующее на исчерпывающую полноту, должно было бы охватывать четырнадцать веков истории и территорию от Испании до Индии. Задача огромная и рискованная, если учесть, что достаточно серьезные научные публикации на эту тему стали появляться лишь в последние два десятилетия. Сложен и сам материал: в исламском ювелирном искусстве соединяются противоположные начала, предметы бывают изысканными и грубыми, легкими и массивными, перегруженными деталями и строгими, изощренными и простыми. Это искусство пронизано магией, но при этом подвержено влияниям моды.

Ученые сталкиваются со многими трудностями. Украшения по самой своей природе и по причине своих маленьких, как правило, размеров не содержат надписей – даты, имени владельца или мастера, – а как раз такие сведения были бы важным подспорьем для историка. Кроме того, золото и серебро, как металлы драгоценные, часто подвергались переплавке и переделкам. Поэтому исламские украшения в большинстве своем многократно претерпевали смерть и воскрешение. И это обстоятельство отчасти объясняет почти полное отсутствие изделий, относящихся к первым четырем или пяти векам ислама, а также многочисленные белые пятна, которыми отмечена история исламского ювелирного искусства. Экономические кризисы, завоевания, политические потрясения, смены династий – все эти события неизменно влекли за собой повторное использование ценных металлов. Драгоценные камни вынимались из оправы, продавались, разъединялись или вставлялись в новую оправу. За исключением некоторых больших драгоценных камней с гравированными надписями, у нас, как правило, нет никаких сведений о происхождении и о бывших владельцах ювелирных изделий. Во время раскопок обычно находят лишь незначительное количество украшений, которые могут быть точно датированы. Это относится к раскопкам в Фустате (Египет), в Хаме (Сирия), Самарре (Ирак), Нишапуре (Иран). Тем не менее, благодаря обнаружению кладов – а их часто зарывали в больших глиняных кувшинах – у нас

есть некоторые данные. Серебряные предметы из Чимкентского клада, найденного в Казахстане в 1908 году, клад из Тарабии в Тунисе, обнаруженный в 1930 году, недавние находки, сделанные в Тивериаде (Кесария) и на холме Иерусалимского храма, существенно расширили наши знания об исламском ювелирном искусстве эпохи Средневековья. Эти клады, как правило, зарывались при угрозе нашествия или потому, что их обладатель опасался конфискации. По мусульманскому обычаю умершего хоронили очень скромно, без украшений и каких-либо вещей, поэтому обнаружение этих кладов – всегда значительное событие для науки, один из немногих моментов, способных внести ясность в эту область знаний.

Арабы, как и персы, были истинными библиофилами. Они создали письменную цивилизацию, которая является одной из самых богатых и совершенных в истории. Мы располагаем довольно большим собранием текстов, как повествовательного и анекдотического, так и научного характера, из которых можно узнать о той важной роли, что играли украшения в исламском обществе. Из научных сочинений назовем трактат о драгоценных камнях персидского энциклопедиста аль-Бируни (XI век) и знаменитую «Книгу о драгоценных камнях», составленную в XIII веке тунисцем аль-Тифаши. Характерным примером сочинений анекдотического, или исторического, жанра, весьма многочисленных, может служить «Книга сокровищ и даров», написанная около 1062 года аль-Зубайром; литература этого рода весьма поучительна тем, что украшения здесь поданы в их социальном и культурном контексте. Миниатюры или рисунки, иллюстрирующие некоторые из этих текстов, дают нам порой любопытную информацию. Это относится к «Трактату о неподвижных звездах и их изображениях», написанному в XI веке персидским астрономом аль-Суфи, где антропоморфные фигуры, символизирующие созвездия, представлены с множеством украшений. Можно упомянуть здесь и иллюстрации знаменитого сборника поэм «Хамсе» Низами, книги, неизменно

вдохновлявшей художников. Относящиеся к еще более раннему времени мозаики так называемого «Купола скалы» в Иерусалиме (конец VII века) и настенные росписи первых арабских дворцов, построенных Омейядами или Аббасидами, дают изображения украшений. Подобные украшения можно видеть, например, на персонажах и танцующих фигурах в Кюзаир Амра, в Хирбат аль-Мафьяре (VIII век) и в Самарре (IX век). Однако к этим изображениям следует относиться с известной осторожностью, поскольку в ту эпоху художники не стремились к реализму в передаче действительности. Именно в IX веке, когда двор Аббасидов обосновался в Самарре, исламское искусство выработало свой характерный стиль: стелющиеся сплошным ковром геометрические фигуры, сильно стилизованные растительные мотивы, более строгий, чем прежде, цветовой строй. Эта приверженность к абстракции и геометрическому членению поверхностей, характерная для декора той эпохи, нашла отражение и в ювелирном искусстве. Раннеисламское ювелирное искусство, не так быстро реагировавшее на новые веяния моды, еще долго не могло освободиться от влияния сасанидских и византийских традиций – они сохранялись вплоть до IX и X веков. В период Средневековья выделяются два больших региона, с которыми связывается изготовление украшений: Египет и Сирия времен правления Фатимидов (X–XI века) – и Иран и Анатолия эпохи Великих Сельджуков (XI–начало XIV в.). Несмотря на удаленность этих регионов друг от друга, предметы ювелирного искусства, изготовленные там, имеют много общего. Например, зернь или филигрань (иногда сквозная), наиболее распространенные в Египте и Сирии техники, широко применялись и в Иране, причем даже более длительное время. Анималистические мотивы, столь характерные для иранского ювелирного искусства, встречаются в египетских и сирийских украшениях эпохи Фатимидов реже, но тем не менее и там они присутствуют. Однако работавшие при Фатимидах в Египте и Сирии мастера, в отличие от персидских ремесленников, продолжали византийскую традицию использования цветной эмали или расплавленной стеклянной пасты для заполнения промежутков между перегородками

филиграни. Эти техники сохранялись в Андалусии в период правления Насридов, вплоть до занятия Гранады христианами в XV веке.

Мы располагаем лишь незначительным количеством восточных украшений, относящихся к периоду между XV и XVIII веками, хотя это была эпоха великих исламских государств. Лакуну частично заполняет изобразительный материал, содержащийся в роскошно украшенных манускриптах с миниатюрами. И только с утверждением династии Великих Моголов (1526–1858) в Индии и Каджарской династии в Иране (1794–1925) начинается эпоха, о которой мы можем судить с большей основательностью благодаря множеству сохранившихся украшений, а также картинам, изображающим правителей в пышных одеждах со всеми деталями их отделки. Мы пользуемся также свидетельствами современников – местных писателей и европейских путешественников. Если ювелиры эпохи Великих Моголов любили сочетание золота и драгоценных камней – бриллиантов, жемчуга, рубинов, изумрудов, то мастера времен династии Каджаров предпочитали полихромные выемчатые эмали, накладывавшиеся прямо на металлическую пластину.

Какие украшения носили в реальной жизни женщины и мужчины? Наряду с такими классическими изделиями, как ожерелья, кольца, браслеты и серьги, нужно отметить диадемы, фибулы, гребни, браслеты для предплечий, застежки и накладки для поясов, ножные браслеты, а также еще более специфические и типичные именно для Востока вещи – кольца лучников, перстни-печати, кольца, которые носили в носу и на пальцах ног, длинные подвески, обрамлявшие лицо, украшения для чалмы и, наконец, четки и знаменитые коробочки для талисманов. Перстни-печати и футляры для талисманов являются, пожалуй, наиболее характерными исламскими украшениями из драгоценных металлов. Они, как правило, изготовлены из серебра или сплавов и богато отделаны чернью. Явное предпочтение серебра обусловлено тем, что, согласно сурам Корана и хадисам (сборникам изречений, приписываемых Магомету), золото подобает лишь избранныкам Рая; на серебро же запрет не распространяется.

Запрет, касавшийся золотых украшений, недолго соблюдался со всей строгостью. Но исключительным правом работать с этим металлом стали пользоваться ювелиры, принадлежавшие к еврейским общинам. Женщинам носить украшения из золота позволялось при условии, что никто, кроме мужа, этого не увидит. Это же табу относилось к мальчикам и девочкам, еще не достигшим брачного возраста. По правилам приличия мужчинам не полагалось носить ни золотых вещей, ни шелковых одеяний. Но золото настолько прочно ассоциировалось с властью, что халифы из династии Омейядов или Аббасидов без малейшего сомнения нарушали запрет. Их примеру следовали придворные и другие состоятельные люди. Наверно, именно тяга к роскоши, характерная для дворов халифов, будь то в Дамаске или в Багдаде, способствовала вхождению в моду дорогих украшений и, таким образом, расцвету ювелирного искусства. Этому благоприятствовал

и экспорт драгоценных металлов из Африки – из Судана и Ганы, а также из Азии, с Кавказа, из Мавераннахра и Ирана.

Но золотые изделия не были просто украшениями, они представляли собой капитал, обеспечивавший финансовую безопасность в полном превратностей мире. Они играли важную роль и в утверждении этнической самобытности народов: так, арабы-кочевники на Ближнем Востоке, берберы в Северной Африке и туареги в Сахаре с гордостью выставляли свои украшения напоказ.

Патти Берч пишет, что «древние украшения обладают какой-то необъяснимой привлекательностью. Кажется, они дают один из ключей к разгадке цивилизаций прошлого». Несомненно, этот «золотой ключик» ведет нас к более глубокому пониманию исламского искусства и исламской культуры. А Патти Берч, с ее неподдельным интересом к древним украшениям, – превосходный хранитель этого ключа.

МАГИЯ КАМНЕЙ И УКРАШЕНИЙ

Древние украшения обладают какой-то необъяснимой привлекательностью. Кажется, они дают один из ключей к разгадке исчезнувших цивилизаций. Ни их материальная ценность, ни их красота не объясняют до конца их необыкновенные свойства. Мастерство и кропотливый труд ювелиров придали этим украшениям формы, совершенство которых превосходит наше воображение. Но какой смысл таят в себе эти украшения? И зачем носили эти предметы, сделанные рукой человека? Такое ощущение, будто мы приближаемся к некоей тайне, будто жестокость современного мира пробудила в нас потребность, осознанную или неосознанную, в каком-то охранительном амулете. Может быть, по этой причине мы до сих пор ощущаем притягательную силу этих старинных камней-талисманов.

Первоначально украшение наделяли магическими свойствами, поэтому оно приобретало большое значение для того, кто его носил, – он обращался к нему в своей жизни постоянно. Украшение рассматривалось как предмет, имевший охранительную силу. Считалось, что сама форма определяла магическую силу украшения. Предметы-символы, например, украшения в виде фруктов, обеспечивали их обладателю покровительство солнца как источника жизни или связь с силами плодородия. Это слияние посредством магии с силами вселенной должно было защищать человека от любых явлений или действий, представлявших угрозу его существованию.

Дверь, ведущая к пониманию тайного значения камней и драгоценностей, только сейчас немного приоткрылась. Лишь с недавнего времени украшения стали рассматривать как чрезвычайно важное для понимания той или иной цивилизации художественное явление.

Как показывают археологические исследования, украшения часто в качестве votivных даров передавались в храмы или как погребальные приношения клались в могилы. К сожалению, наши знания об украшениях древнего Ирана очень скудны, мы слишком часто вынуждены прибегать к гипотезам при определении датировки и места их изготовления. Первые неожиданные и важные находки – на севере Ирана

– относятся к 1950-м годам. Затем последовали и другие – из грабительских раскопок, проводившихся в горах Гиляна и Дайламана. В результате были обнаружены произведения искусства, совершенно не похожие на памятники, известные в то время науке. Их классификация оказалась сопряженной с большими трудностями. Научные раскопки стали проводиться лишь недавно, публикации находок появлялись слишком редко, так что нам почти не на что было опереться. А ведь форма этих украшений почти не менялась на протяжении тысячелетий: сегодня мы только-только начинаем улавливать едва заметные модификации их структуры и декора, происходившие с течением времени. Вызов, содержащийся в этих загадочных предметах, побудил ученых приложить серьезные усилия для поиска методов их датировки. Переселение народов на северо-запад Ирана, нашедшее отражение в ассирийских источниках и в урартских надписях, сопровождалось изменением декоративных мотивов. Это обстоятельство дало нам первый хронологический ориентир. Другие ориентиры были получены благодаря сравнительным методам: новые находки сравнивались с украшениями, изображенными на античных памятниках, время возникновения которых достоверно известно, или с украшениями, изображенными на статуях, происходящих из известных мест. Кроме того, новые методы химического анализа позволили более точно устанавливать время и место изготовления предметов из золота. Изучение патины, покрывающей поверхность металла, возможно, даст ценные сведения относительно того, как долго эти вещи пролежали в земле. Жемчуг в большинстве случаев находили россыпью, но иногда в раскопках удавалось обнаружить ожерелья, сохранившиеся целиком. Эти удачные находки позволили установить время изменения форм украшений более точно и дали образцы, по которым при необходимости можно реконструировать аналогичные изделия. Для реконструкции использовались также украшения, найденные при других раскопках или изображенные на статуях. В любом случае, выбирая между двумя возможностями,

мы указывали для каждого памятника наиболее позднюю из предполагаемых дат. Материалы, которые использовались для украшений в древности, происходили из разных мест, но все они, как считалось тогда, обладали магическими свойствами. Самым ценным из этих материалов было золото, которое с незапамятных времен символизировало могущество и власть. Золото – материал редкий, красивый и дорогой, оно легко поддается обработке и не подвержено действию времени. Его блеск соперничает с сиянием солнца. Золото, этот благородный металл, кажется наделенным сверхъестественными свойствами, которые и делают его подходящим для выполнения магических функций. Тот, кто не имел права носить золотые вещи, часто обращался к обыкновенным металлам и отделывал их так, чтобы имитировать цвет золота и его блеск. Другие природные материалы, такие, как горный хрусталь или полудрагоценные камни (сердолик, халцедон, гранат, гагат) использовались либо отдельно, либо в сочетании с драгоценными металлами. Применялись и искусственные материалы: бусы из стекла тоже могли очаровывать по-настоящему. Шлифовщику удавалось обнаружить в стекле глубину и свет, подобные глубине и свету небес. Цвет стеклянных бус мог напоминать бледные краски рассвета или ярко-синий тон предзакатного неба. Некоторые племена и сегодня продолжают приписывать украшениям сверхъестественные свойства, и, наверно, именно вера в священную и магическую силу этих предметов обуславливает удивительное постоянство их форм.

Северный Иран,
начало I тыс. до н. э. (?)

Ожерелье из семидесяти бусин разных размеров, форм и материалов – керамики, камня, раковин. Каменные и керамические бусины покрыты резьбой или желобками; местами сохранилась зеленая глазурь. Длина ожерелья: 65 см. Инв. 3

Множество подобных украшений было найдено при раскопках на территории Северного Ирана – например, в местности Хурвин (провинция Гилян). Зеленая глазурь, покрывающая сероватую керамическую основу, образуется за счет добавления окиси меди. На севере Ирана глазурь при производстве украшений использовалась особенно часто.

Четырехлопастные пронизы как элемент украшения встречаются еще в месопотамских ожерельях середины III тысячелетия до н. э., в эпоху древних династий Шумера. Именно тогда, в период процветания южного Двуречья, установилась система торговых отношений, в которые было вовлечено все Иранское нагорье. Благодаря этому техника обработки металла проникла далеко на север, и украшения такого типа получили широкое распространение. Спустя более полутора тысяч лет, когда скифы, киммерийцы и мидяне одни за другими завоевывали территорию Ирана, золотых дел мастера продолжали изготавливать украшения этой весьма изящной формы, прототипы которой восходят к искусству Шумера и городов долины Инда. Большое число таких украшений, датируемых IX–VII вв. до н. э., было найдено при раскопках в Хурвине.

Ожерелье состоит из семи дисков чеканного золота; самый большой из них расположен в центре. Все диски украшает орнамент в виде лучей. Эти подвески присоединены к низке тонких канnelированных трубочек из золота.
Инв. 169

Многочисленные золотые диски, найденные в археологических раскопках Марлика и Калураза, относятся к предметам «амлашской культуры» и датируются началом I тысячелетия до н. э. Нет сомнений, что эти украшения имели культовый характер в солярной религии иранцев. Так, на длинном одеянии бога бури и молний Адада с вавилонской цилиндрической печати из лазурита, относящейся примерно к той же эпохе (Государственные музеи Берлина), изображены диски, украшенные изображениями веретен и лучей, пространство между которыми заполнено точечным орнаментом. Похожие диски из чеканного золота, относящиеся к Древнему Ирану и происходящие из прикаспийских регионов, хранятся и в Археологическом музее в Тегеране.

Ожерелье.

Северный Иран, «амлашская культура».
X–VIII вв. до н.э.

4

Золотое ожерелье из биконических бусин, чередующихся с шаровидными бусинками более позднего происхождения.
Длина ожерелья: 60 см. Инв.9

Золотые биконические бусины использовались в ювелирном искусстве более чем за 2000 лет до появления этого украшения. Примером могут служить ожерелья, найденные в царских захоронениях в Уре (Месопотамия). В Северном Иране такие украшения были обнаружены в Марлик-Тепе и Калуразе (провинции Гилян и Мазандеран к северо-западу от Каспийского моря); они хранятся в Национальном музее в Тегеране.

В 1940–1960-е гг. в местности Амлаш в земле были случайно обнаружены сосуды из золота и серебра. С этого времени название деревни стало использоваться для обозначения иранских древностей раннего периода истории (хотя их и могут разделять несколько веков или значительное расстояние).

Ожерелье напоминает некоторые изделия, объединенные названием «Амлаш», а также предметы из золота, найденные в могильнике Марлик в 1961 г.

Биконическая форма бусин – одна из наиболее простых для изготовления. Вероятно поэтому она появилась еще в глубокой древности и до сих пор пользуется популярностью. Образцы таких бусин, хранящихся в Музее Багдада, были найдены в гробницах царей Ура середины III тысячелетия до н. э., т. е. они относятся еще к доамлашской эпохе, а наиболее древние экземпляры обнаружены в городах долины Инда – Мохенджо-Даро и Хараппе.

Эти бусы происходят, вероятно, из Марлика, где археологические раскопки проводились с 1961 г. Обнаруженный там некрополь имел только один археологический слой и насчитывал более пятидесяти царских погребений.

Там в большом количестве были обнаружены предметы из золота и серебра, оружие, а также разнообразные украшения.

В некоторых захоронениях найдены элементы конской упряжи.

Находки печатей с клинописью позволяют приблизительно датировать эти предметы временем между XIV и IX вв. до н. э. и указывают на существование связей между Марликом и Ассирией.

Серьги такой формы были широко распространены на Востоке с глубокой древности. Подобные изделия находили в захоронениях II тысячелетия до н.э. в Уре, в Нижней Месопотамии, а также в Сузах. Грозди зерни часто встречаются в «амлашских» украшениях; они символизируют плодородие. Мода на такие украшения сохранялась в Парфянском царстве и при Сасанидах, затронула она и исламское ювелирное искусство.

Аналогичные пронизи были обнаружены в двух местах раскопок на северо-западе Ирана – в уже упоминавшемся Марлике и в Дайламане. Дайламан, Марлик, Калураз, Пирку – эти деревни прикаспийского региона, вероятнее всего, остались бы неизвестными, если бы не дали своего названия расположенным поблизости древним некрополям, где был сделан ряд самых значительных археологических открытий шестидесятих годов. К сожалению, здесь велись не только систематические научные исследования, но и пиратские раскопки. Стиль найденных в этом районе предметов в конце концов получил название от имени деревушки Амлаш, которая благодаря удобному расположению на дороге в Решт стала местом, где эти предметы беззастенчиво распродавались. Во Франции это название запомнили потому, что розоватого оттенка зооморфная керамика (называемая «амлашской»), но происходящая на самом деле из Марлика и других мест археологических раскопок обнаружила любопытное сходство с некоторыми скульптурами Пикассо. Прошедшая в 1961 году в Пти-Пале в Париже выставка «7000 лет искусства в Иране» способствовала утверждению этого названия.

Ожерелье состоит из сердоликовых бусин. Часть из них имеет форму ограненных трубочек, другая – форму маленьких усеченных конусов. Они чередуются с керамическими «кабошонами» сине-зеленого цвета и белыми кольцами. Инв. 134

Контраст насыщенных и бледных оттенков бусин из сердолика и оплавленной керамики оставляет впечатление свежести. Оплавление керамики более, чем покрытие глазурью, характерно для прикаспийских регионов начала I тысячелетия до н. э. Примечательно, что на лесистых и гористых просторах Гиляна, где были в изобилии найдены прекрасные образцы предметов из терракоты, стеклянной массы, прозрачного стекла и чеканного золота, ученые не обнаружили хороших образцов глазурованной керамики – во всяком случае, ничего, что могло бы сравниться с прекрасным фаянсом или глазурованной керамикой из Месопотамии и Египта. По предположениям ученых, керамисты Древнего Востока были вынуждены совершенствовать технологии производства украшений из искусственных материалов из-за недостатка драгоценных камней.

Ожерелье
с подвеской.

9

Северный Иран, искусство Марлика и Калураза
(область Гилян), X–IX вв. до н.э.

Золотая подвеска-диск, украшенная рельефным узором в виде круга
с расходящимися от него волнообразными лучами. Подвеска
прикреплена к золотому ожерелью из биконических бусин и бусин
в форме пряслиц.
Длина ожерелья: 44 см. Инв.183

Подвеска-диск напоминает солнце, которому древние народы Ирана, в особенности мидяне, поклонялись как источнику жизни, света и плодородия. Это украшение напоминает золотое ожерелье из биконических бусин и дисков VIII в. до н.э., которое было найдено в Калуразе и хранится в Археологическом музее в Тегеране.

Подвески такого типа были обнаружены в Хасанлу во время раскопок, проводимых Пенсильванским университетом. В настоящее время они хранятся в Археологическом музее в Тегеране. Поселение Хасанлу (на южном берегу озера Урмия) расположено на границе с Иранским Азербайджаном. Группа американских ученых вела здесь раскопки до иранской революции 1978 года. Керамические горизонты Хасанлу датируют археологические слои серединой бронзового – железным веком и служат ориентировочной хронологической шкалой древнейшего периода истории Ирана. Территория Хасанлу была заселена в XVII в. до н. э. Между XI и VIII вв. до н. э. она была занята мидянами, которые основали здесь цитадель или дворец. Здание, очевидно, было разрушено в результате завоевания или пожара. Это ожерелье, возможно, датируется последним периодом обживания городища.

Серьги этого типа обнаружила совместная
англо-американская экспедиция на раскопках
1958 г. в Хасанлу (к западу от озера Урмия,
в Иранском Азербайджане). В настоящее
время они хранятся в Археологическом музее
в Тегеране.

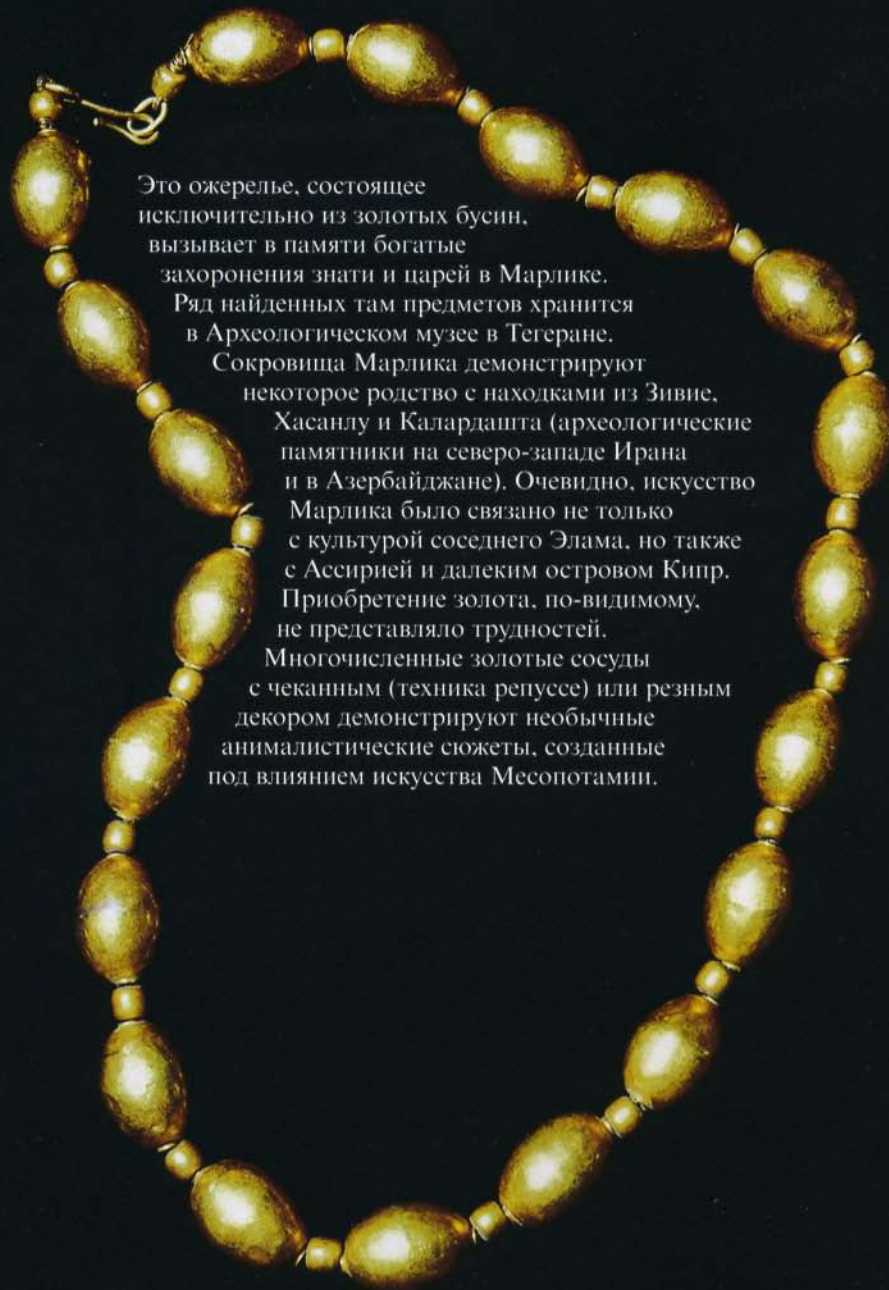
Возможно, ассирийская работа,
IX–VIII вв. до н. э.

Золотые серьги в виде двух яйцевидных бусин, расположенных одна над другой. Сохранившаяся лучше серьга проделана тремя небольшими продолговатыми капсулами с зернистым наконечником.

Высота: 6,9 см и 7,2 см. Инв. 18

Серьги этого типа принадлежат к ассирийской традиции ювелирного искусства, хотя и найдены в Луристане.

Это ожерелье, состоящее исключительно из золотых бусин, вызывает в памяти богатые захоронения знати и царей в Марлике.

Ряд найденных там предметов хранится в Археологическом музее в Тегеране.

Сокровища Марлика демонстрируют некоторое родство с находками из Зивие,

Хасанлу и Калардашта (археологические памятники на северо-западе Ирана и в Азербайджане). Очевидно, искусство

Марлика было связано не только с культурой соседнего Элама, но также с Ассирией и далеким островом Кипр.

Приобретение золота, по-видимому, не представляло трудностей.

Многочисленные золотые сосуды с чеканным (техника репюссэ) или резным декором демонстрируют необычные анималистические сюжеты, созданные под влиянием искусства Месопотамии.

Серьги или парное
украшение
для прически

14

Возможно, из Луристана,
VIII в. до н. э.

Золотые украшения, каждое из которых состоит из двух пар
удлиненных противоположно-направленных лепестков,
соединенных между собой тонким изогнутым стержнем.
Длина: 3,8 см. Инв. 21

Серьги аналогичной формы, но украшенные
анималистическим орнаментом, были
найжены в Луристане. Они датируются
мидийским периодом.

Это прекрасное украшение из темного золота – очевидно, очень древнее – могло бы происходить и из гипогеев Калураза и из могильников Марлика

(оба расположены в ареале «амлашской культуры»), известных благодаря находкам предметов из чеканного золота. Этот район дал самое большое число находок, хотя и довольно мало известен.

По краям браслета проходят два пояса орнамента в виде сетчатой штриховки, в центральной части – ломаная линия. Напоминающие рога барана спирали на концах браслета служат символом плодovitости, который в ювелирных украшениях, особенно в браслетах, встречается довольно часто.

Можно только восхищаться пластическим
совершенством этого небольшого украшения.

Другие золотые украшения подобной формы нам неизвестны. Но аналогичные декоративные мотивы встречаются в изделиях из других материалов: примером могут служить украшения из серебра, бронзы и железа, найденные в некрополе «В» в Сиалке, близ Кашана. Раскопки могильника в Тепе Сиалк – из наиболее ранних в Иране, работы здесь проводились в 1933–37 гг. Р.Гиршманом. В Сиалке были обнаружены остатки довольно бедных – по сравнению с северными

районами – поселений; изделий из золота и полудрагоценных камней там почти не встречалось. Однако для той эпохи характерен геометрический орнамент из треугольников, клеток и точек, покрывающий расписную керамику из некрополя «В» (так называемый стиль Сиалк VI В), рисунок которого напоминает наше украшение. В качестве аналогий можно привести сосуд из Археологического музея в Тегеране в форме птицы с длинным клювом или похожий кувшин с орнаментом в виде ожерелья у основания носика, хранящийся в Лувре (Париж).

Ожерелье, вероятно, было изготовлено как мужское украшение. Археологические материалы из Северо-Западного Ирана свидетельствуют о том, что в VIII – начале VII вв. до н. э. на этой территории распространилась единая культура. В 1947 г. недалеко от маленькой деревни Зивие пастухами был случайно найден клад золотых, серебряных, бронзовых и костяных изделий, исключительных по красоте исполнения и разнообразию сюжетов, выполненных в разных стилях древнего искусства, напоминающего искусство скифов, Ассирии, Урарту. Исследования показали, что вероятнее всего искусство Зивие принадлежит мидянам, подчинившим себе к 610 г. до н. э. Ману, скифское государство и Урарту. Другой клад золотых и серебряных зооморфных ритонов, ваз, предметов вооружения был случайно найден в районе Кафлангу, в округе Хамадана, где располагалась мидийская столица Экбатана. Возможно, данное ожерелье относится к одной из этих групп вещей, демонстрирующих искусство, которое прекрасно передает воинственный характер мидян, постоянно сражавшихся со своими соседями – ассирийцами, скифами, саками-массагетами.

Северный Иран, мидийский или ахеменидский период, VII–VI вв. до н.э.

Золотое ожерелье с пятнадцатью подвесками в форме булав или тыквочек, с застежками в виде петель. Между подвесками помещены по две золотые бусины и ребристый цилиндр. Длина ожерелья: 46 см. Инв.139

Украшения такого типа неизвестны, но композиция напоминает некоторые ожерелья, найденные в Ираке в царских захоронениях Ура и относящиеся к более раннему времени. Мидяне – одна из иранских народностей. Они обосновались на северо-западе Ирана в VII в. до н.э. и к концу VI в. до н.э. подчинили себе Ассирию, Ману, скифское государство и Урарту. Несмотря на раскопки мидийских памятников, в том числе и столицы Мидии Экбатаны (современный Хамадан), искусство этого народа изучено недостаточно хорошо.

Такие подвески не имеют аналогий. Трудно точно определить, были ли они изначально составными частями ожерелья. Наличие дополнительных крепежных петелек позволяет предположить, что они могли нашиваться на одежду или служили элементами какого-то не сохранившегося комплекта украшений. Возможно, прототипом послужили ожерелья времени древних династий Шумера (Музей Багдада) с бусинами, украшенными мелкими петельками.

Фигурка со сложенными на груди руками, в длинном одеянии, возможно, олицетворяет одну из богинь плодородия, почитавшихся на Ближнем Востоке. Предполагают, что это богиня Анахита, культ которой был у персов в древности широко распространен. Аналогичные изображения из терракоты можно увидеть в Ташкентском музее. Как правило, они датируются I в. до н. э. и относятся к началу парфянского периода. В Средней Азии культ богини-матери был очень популярен и удерживался продолжительное время.

Браслет демонстрирует сходство с аналогичным украшением из Британского музея. Получив распространение у мидян, эта форма браслета широко использовалась и ювелирами в ахеменидский период.

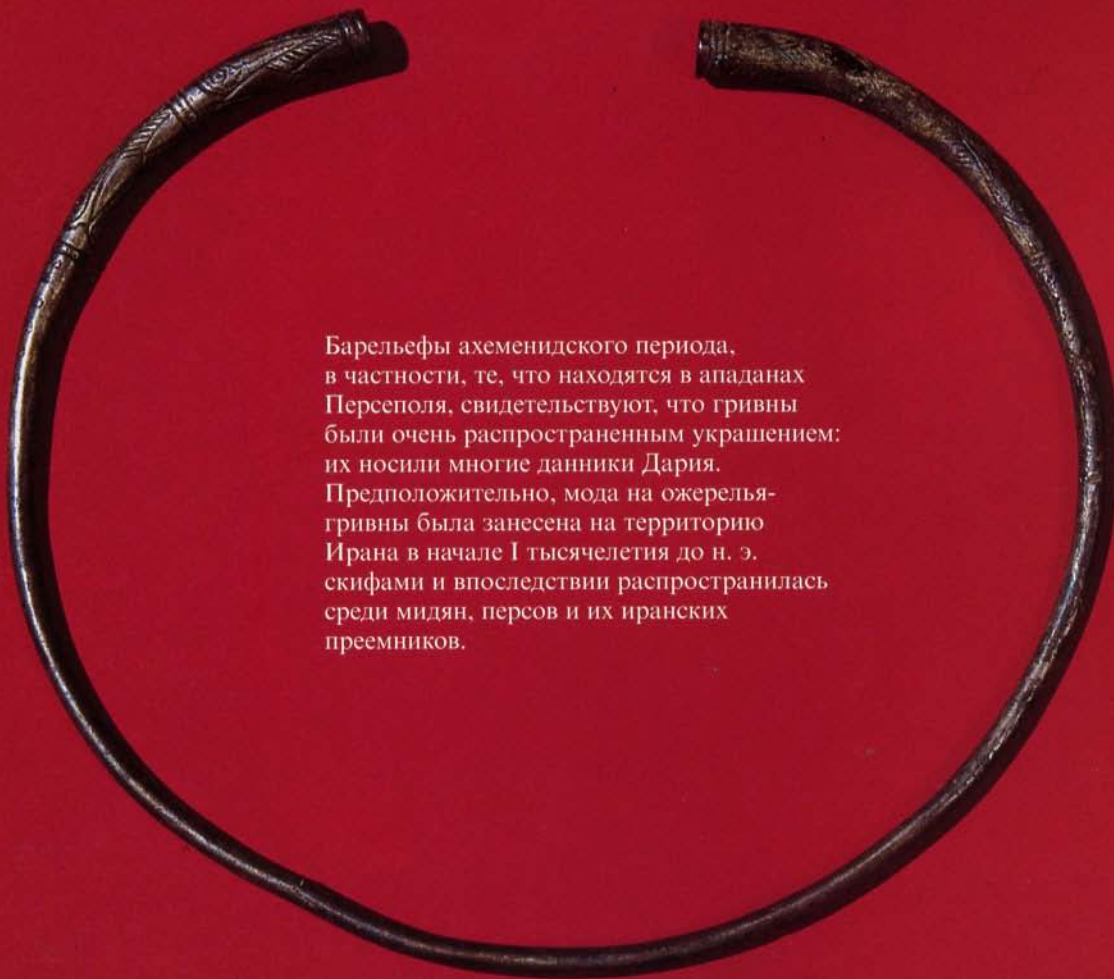

Сетчатые процарапанные орнаменты,
как на этом браслете, украшают ювелирные
изделия, найденные в могильниках Хурвина.
Их можно увидеть на украшениях и других
предметах из серой глины в том же регионе.

25

Барельефы ахеменидского периода, в частности, те, что находятся в ападанах Персеполя, свидетельствуют, что гривны были очень распространенным украшением: их носили многие данники Дария. Предположительно, мода на ожерелья-гривны была занесена на территорию Ирана в начале I тысячелетия до н. э. скифами и впоследствии распространилась среди мидян, персов и их иранских преемников.

Ахеменидских украшений сохранилось мало, без специальных лабораторных исследований подтвердить датировку довольно трудно.

Но форма этого ожерелья и высокое качество лазурита свидетельствуют в ее пользу.

Клад ахеменидского времени, найденный в 1901 г. в Сузах Ж. де Морганом, говорит об исключительном богатстве украшений той эпохи и о важном значении, которое придавали им персы. Так, по свидетельству

Арриана, погребение основателя государства Ахеменидов Кира Великого отличалось необыкновенной

пышностью: его тело было убрано тканями, покрытыми золотым шитьем; ожерельями, браслетами, подвесками из драгоценных камней.

А согласно Геродоту, десять тысяч составлявших элиту армии Ксеркса отборных воинов носили богато украшенные золотом одежду и оружие.

Лазуриновые подвески ожерелья напоминают цилиндрические печати, хотя они редко

изготавливались из этого материала. Но в ювелирном искусстве лазурит использовался с древности.

В Месопотамии лазуриту приписывали магические и охранительные свойства; этот камень ассоциировался с мужским началом, как сердолик – с женским.

Особенно его любили в Вавилоне, в эпоху последних царей. Персы, перенявшие вкус вавилонских правителей к роскоши, также охотно использовали этот камень.

Ахеменидские украшения отличаются простыми и ясными линиями. Бусины, как правило, имеют двояковыпуклую, сферическую или цилиндрическую – как в этом украшении – форму с обрамлением.

Трактовка головы животного стилистически соответствует ахеменидскому искусству – одновременно выразительному и неопределенному, с большим количеством типизованных образов. В этом украшении присутствуют черты «государственного» стиля, который в это время устанавливается во всех областях. Точно так же трактована передняя часть туловища льва в барельефе северной лестницы ападаны в Персеполе, где изображена сцена охоты хищника на быка.

Сердолик, наряду с лазуридом, халцедоном и агатом, ювелиры Древнего Востока использовали при изготовлении украшений особенно охотно. Сердолик, как правило, привозился издалека. Вероятно, это относится и к камню в нашей подвеске: его крупный размер, безупречная огранка, цвет и прозрачность указывают на то, что он был добыт и, возможно, обработан в Индии, до того как попал в руки местных ювелиров, изготовивших оправу. Большинство крупных сердоликов древности добыто в горных месторождениях Декана.

Подвеска в виде оправленной в золото большой граненой сердоликовой бусины с утолщением в центре. К концам бусины прикреплен стержень с подвешенными к нему золотыми бубенчиками.

Длина подвески: 10,5 см. Илл. 124

Однако именно городские цивилизации Индии, такие как Мохенджо-Даро и Хараппа, стали развивать и совершенствовать техники обработки камня: нагревание, гранение, шлифовку, сверление, полировку. С древности индийские сердолики привозили на Ближний Восток караванными путями – из Центральной Азии или с Иранского нагорья. С начала III тысячелетия до н.э. стали предпочитать морской путь – через Индийский океан и Персидский залив. Многочисленные сердоликовые бусины, найденные на территории Объединенных Арабских Эмиратов и Бахрейна, подтверждают существование этой торговли.

Браслет

30

Северный Иран,
конец ахеменидского периода,
IV в. до н. э.

Бронзовый браслет незамкнутой формы.
Концы оформлены в форме голов животных.
Диаметр: 9 см. Инв. 42

Изгиб дуги внутрь окружности
в центральной части браслета – характерная
деталь произведенный ахеменидского периода.

Лазуритовое ожерелье из трех цилиндрических инталлий с изображением крылатых козлов (или грифонов) и круглых бусин: гладких лазуритовых и филигранных золотых. Длина ожерелья: 60 см. Инв. 315

Это ожерелье, несмотря на разнородный характер составляющих его элементов, заслуживает внимания. Лазуритовые инталли напоминают месопотамские цилиндрические печати и, безусловно, относятся к более раннему периоду, чем филигранные золотые бусины. Такое смешение стилей и эпох неудивительно: многократное использование драгоценных металлов и камней было обычным явлением в античности и Средневековье.

Северный Иран, предположительно Парфия.
III в. до н.э. (или раньше).

Двадцать одна подвеска, каждая из которых состоит из трех синих фаянсовых бусин на цепочке с завершением в виде золотых четырехлопастных пронизей. Цепочка ожерелья – более позднего времени.

Длина ожерелья: 37 см. Инв. 44

Это изысканное ожерелье напоминает архаические украшения из Месопотамии, составленные из тонких подвесок в форме листьев, орешков, ягод или зерен. Оплавленная, а не глазурованная поверхность керамических бусин придает ожерелью еще более древний вид. Навершия подвесок напоминают ожерелье с четырехлопастными пронизями I тыс. до н.э., которое относится к так называемой «амлашской» группе памятников. Похожие пронизы найдены и в Хурвине, к северо-западу от Тегерана; они датируются между X и VII вв. до н.э. В дальнейшем этот тип украшений сохранялся еще долгое время.

Тип браслета с изображениями кошачьих был широко распространен при Ахеменидах и продолжал пользоваться популярностью при парфянах. Форма витого шнура напоминает гривны, которые долго оставались излюбленным мужским украшением, особенно на севере Ирана.

Северный Иран, парфянский период,
II в. до н. э. – I в. н. э.

Ожерелье из круглых бусин фиолетового стекла,
чередующихся с большими и маленькими золотыми
подвесками в форме семечек или ячменных зерен.
Длина ожерелья: 40 см. Инв. 46

Благодаря темному оттенку золота это ожерелье выглядит очень эффектно. По форме подвесок ожерелье напоминает украшения воинов и охотников примитивных обществ, но для такой датировки нет оснований: по времени оно ближе всего к типу «ожерелий с вазами» греко-римского периода, представленных в данной коллекции рядом прекрасных образцов.

Северный Иран, предположительно,
парфянский период
(возможна более поздняя датировка).

Основу каждой серьги составляют три полые золотые бусины яйцевидной формы, спаянные в треугольник. Бусины украшены чеканным орнаментом из стилизованных листьев и украшены снизу гроздями из трех шариков. Над бусинами расположены оправы из золота каплевидной формы, в которые вставлена бирюза. Высота 6,6 см. Инв. 48

Композиция из трех полых спаянных между собой бусин встречается с эллинистического времени. На мусульманском Востоке в Средние века она была широко распространена, в связи с этим возникают трудности в точной датировке этого украшения.

Техника полихромного стекла (стеклянная мозаика), известная под итальянским названием millefiori, состояла в сплавлении в одно целое пучка разноцветных тонких стеклянных палочек и их вытягивании во время вторичной плавки, после чего полученный стержень разрезали поперек, открывая рисунок. Изготовление непрозрачных стеклянных масс, окрашенных разными окисями, очевидно, существовало на Востоке со II тысячелетия до н. э. В эллинистический и римский периоды эта техника пользовалась большой популярностью.

Это красивое ожерелье, выполненное в эллинистическом стиле, можно было бы отнести и к допарфянскому периоду, настолько его амфоровидные подвески, украшенные тремя гранулами зерни, напоминают подвески ожерелья ахеменидского времени, найденного в Сидоне в одном из захоронений некрополя Магарат-Таблун (гипогей №1). Однако консервативность моды и свойство золота не меняться от времени не позволяют уточнить датировку ожерелья. Позволим себе повторить, что такой тип украшений был известен как в Греции классического периода, так и на острове Сардиния, в Иордании и на территории Ближнего Востока. Это ожерелье служит прекрасным примером греко-римского влияния на искусство Парфии.

По форме подвесок в виде вазы или граната это ожерелье можно отнести к парфянским украшениям, созданным под влиянием эллинистического искусства. Возможно, оно имеет и более древнее происхождение: оно напоминает ожерелье ахеменидского времени, найденное в одной из гробниц в Сидоне (Ливан); подвески-вазы сидонского ожерелья украшены рельефным орнаментом. По-видимому, украшения с подвесками в виде вазы или амфоры характерны и для Востока, и для Греции, и мода на них сохранялась на протяжении всего эллинистического периода и в том, и в другом регионе.

Это ожерелье из переливающихся бусин – свидетельство высокого уровня развития стеклянного производства в парфянский период. Если начало изготовления стекловидных материалов в Египте или Ливане принято относить к середине II тысячелетия до н. э. (возможно, оно возникло и раньше), то с VIII в. до н. э. в Финикии уже существовало довольно развитое производство изделий из литого стекла. В середине I в. до н. э. изготовление стекла получило новый импульс с изобретением техники дутья. Золото, вплавленное в стеклянную массу, придает ей особый блеск – этот прием свидетельствует о мастерстве стеклодувов.

40

Северный Иран,
предположительно
Парфия, II–III вв. н.э.

Золотое ожерелье из больших биконических
и круглых бусин, украшенных проволокой
и зернышками.
Длина ожерелья: 45 см. Инв.147

Техника зерни широко применялась и ювелирами последующих эпох. Мода на крупные украшения, утвердившаяся в конце парфянского периода, сохранилась и при Сасанидах (династия иранского происхождения III–VII вв. н.э.).

Биконические золотые бусины в соответствии со своей формой могли бы получить более раннюю датировку, но их необычно большой размер и способ соединения друг с другом заставляют отнести их к более позднему, вероятно, эллинистическому времени. Это ожерелье из крупных элементов сопоставимо по размеру украшениями, известными по статуям из Пальмиры, а также – вероятно с еще большим основанием – с украшениями некоторых статуй из храмов в Хатре (Ирак) – сидящих царевен в особенности.

Амулеты ожерелья довольно условно воспроизводят скульптурные изображения львов из Персеполя, символизовавших могущество царей династии Ахеменидов. Изображение льва было популярно в ассирийской и вавилонской глиптике. Персы привнесли в значение этого древнего символа верховной власти астрологическую смысловую нагрузку. Этот образ характерен и для парфянского искусства.

43

Похожие пронизи происходят из некрополей, расположенных рядом с деревнями Амлаш, Пирку и Дайламан в провинции Гилян. В частности, в Дайламане японскими археологами было найдено большое количество аналогичных бусин. Однако можно ли отнести ожерелье к парфянскому периоду? Большая часть находок из этих некрополей датируется еще домидийским периодом (до VIII–VI вв. до н. э.). Но в этом же районе были найдены и сасанидские серебряные предметы, что свидетельствует в пользу более поздних датировок захоронений и, соответственно, обнаруженных там предметов. Таким образом, трудно сказать точно, когда было изготовлено ожерелье. Единственное, что позволяет отнести его к парфянскому периоду, – это кулон в виде каннелированной вазы.

Это ожерелье относится к многочисленной группе «ожерелий с вазами», мода на которые пошла из Греции классического периода и сохранялась до Поздней Империи. Прототипом могло служить ожерелье статуи Афины Парфенос Фидия. Аналогичное двойное ожерелье украшало скульптурное изображение Астарты-Деметры, найденное в провинции Аликанте в 1897 г.

Золотое ожерелье из квадратных звеньев, каждое звено с гранатом в центре. Между пластинами подвески в виде амфор.

Длина ожерелья: 24 см. Инв. 192

Подобные ожерелья известны по изображениям на парфянских скульптурах.

Парфияне - иранская народность, населявшая территорию на северо-востоке Ирана (современный Хорасан). При Ахеменидах область Парфия была одной из иранских сатрапий; после падения греко-македонской власти Парфия стала самостоятельным

государством и ее границы значительно расширились. Она выступала как основной соперник Рима на Востоке.

Парфянское искусство - это разнообразие стилей, с заметным античным влиянием. Подвески в виде амфор придают этому ожерелью сходство с произведениями греческого ювелирного искусства периода эллинизма.

Это ожерелье – пример греческого влияния в искусстве парфян. Мода на все греческое в Парфии объяснялась не только преклонением перед высокой культурой эллинов – при ктесифонском дворе декламировали стихи из трагедий Еврипида, – но и значительным числом торговцев, солдат и ремесленников из Греции, которые поселились в Иране после завоеваний Александра Македонского и в ранний период правления Селевкидов (312–129 гг. до н. э.) Орнаментальный мотив амфоры характерен

для искусства Ирана, хотя и обязан своим происхождением Греции. Глядя на эту совершенную форму, нельзя не вспомнить об «ожерельях с вазами», которые носили женщины Хатры, посвятившие себя служению Анахите, древней богине плодородия, или о специальных религиозных церемониях с очистительной водой в честь иранского божества солнца Митры, который как бог-спаситель почитался также римскими легионерами. Его культ был одним из главных в Парфии.

Бусины этого ожерелья схожи по форме с пронизями эллинистического времени, которые часто изготавливались в виде ваз или кувшинов.

По свидетельству Геродота, «персы не возводят в честь богов ни статуй, ни храмов, ни алтарей», поэтому в их искусстве, как в искусстве всех народов, у которых существовал запрет на антропоморфные изображения божеств, были распространены геометрические и абстрактные узоры.

Ожерелье
с подвесками

50

Иран, парфянский период,
III в. до н.э. – III в. н.э.;
цепочка и отдельные камни – XX в.

Ожерелье с подвесками в виде круглых разноцветных буси,
прикрепленных на цепочках к общей цепи.
Длина ожерелья: 35 см. Инв. 191

Это украшение, составленное как из новых, так и древних камней, представляет весь Восток в миниатюре. Полосатый агат, светлый сердолик и гранат альмандин соседствуют здесь с многоцветными бусинами парфянской эпохи.

Северный Иран, парфянский период,
II в. до н. э. – III в. н. э.

Ожерелье состоит из двенадцати подвесок в виде бусин
на цепочках. Бусины сделаны либо из однотонного цветного
стекла, либо в технике millefiori.
Инв. 190

Бусины из цветного стекла (эту технику
обычно называют millefiori) пользовались в
римскую эпоху особой любовью, которая
передалась и ювелирному искусству парфян.
Однако бусины из Ирана, хотя они окрашены
довольно красиво, не выдерживают
сравнения с мозаичными бусинами, которые
в то время производили в Александрии.
Во время экономического упадка периода

Поздней Империи александрийские мастера
художественного стекла исчезли, не передав
секреты своего ремесла, и только
в эпоху Возрождения итальянские
мастера-стеклодувы смогли восстановить
это прекрасное искусство.

Ожерелье из пятнадцати круглых бусин из прозрачной стеклянной пасты светло-зеленого цвета, чередующихся с золотыми яйцевидными филигранными бусинами более позднего времени.

Длина ожерелья: 45 см. Инв. 309

Первые изделия из стекла появились, вероятно, не позднее второй половины II тыс. до н.э. Стекло получали из нескольких компонентов путем плавления. Основой служил песок, дробленый кварц или кварцит в виде гальки. К основе добавляли в качестве растворителя щелочь, иногда известь, а в некоторых случаях окислы металлов для окраски и придания стеклу прозрачности.

Плавление стекла, происходившее при температуре около +15500, осуществлялось, вероятно, в два приема. На первой стадии (фриттирование), при температуре около +9000, происходило удаление примесей. Очищенный состав затем нагревался вместе с добавками окислов металлов: некоторые окислы придавали стеклу прозрачность, другие – определенную окраску. Зеленоватый тон бусин этого ожерелья получен, вероятно, с помощью окиси меди.

Это красивое ожерелье яркого мятно-зеленого цвета имеет точную копию в коллекции Патти Кадби Берч (Инв. 309). Украшение датируется, вероятно, последним периодом существования Парфянского царства. Здесь уже трудно говорить о греческом влиянии: по стилю ожерелье соответствует украшениям эпохи Сасанидов. Ослабление греческого влияния на парфянскую культуру относят к периоду правления Вологеза I (51–77 гг.). Меняется палеография монетных легенд. Аршакиды, одержавшие некогда целый ряд побед, терпят серьезные поражения от Рима. В 116 г. Траян берет Ктесифон. Второй раз столица парфян была взята в 199 г. Септимием Севером. Еще четверть века спустя династия Аршакидов прекратила свое существование. К власти пришли Сасаниды – династия жрецов зороастризма.

Северный Иран, парфянский период,
III в. до н. э. – II в. н. э.

Ожерелье составлено из десяти длинных, слегка изогнутых трубочек из полосатого агата. Они чередуются с яйцевидными бусинами литого золота. В центре ожерелья овальная подвеска – вставленный в золотую оправу глазковый агат.
Инв. 279

Глазковым агатам наши предки приписывали магические свойства. В Древнем Вавилоне эти камни зачастую служили вотивами и оберегами. Например, в мифе об Иштар рассказывалось, что богиня «покрывает грудь свою ожерельями из каменных глаз», когда спускается в царство мертвых. Цвет и удивительный рисунок этого камня класса халнедонов побуждали людей использовать его для «оживления» взгляда статуй. Так, Плиний, рассказывая о статуе одного из главных божеств ассирийцев, Бела, замечает, что «глаз у него белесый с темным зрачком, из центра которого струится золотистое сияние». Представленное ожерелье обнаруживает известное сходство с украшением, найденным в Сузах и датирующимся IV в. до н. э. (т. е. приблизительно тем же периодом), которое своей привлекательностью тоже обязано паре прекрасных глазковых агатов, которые мастер-ювелир поместил в центре композиции.

В этом ожерелье эллинистического типа с изящными подвесками важная роль отводится гранату, который в парфянский период встречается в ювелирных изделиях очень часто. Подвески на цепочках привлекательны по форме и издают легкий шелест при движении.

Подвеска в виде филигранного диска со вставкой из крупного круглого нефрита. Тонкая вязь образует вокруг камня широкую ажурную полосу. Подвеска укреплена на золотом стержне, образованном двумя биконическими бусинами. Диаметр: 6 см. Инв. 114

Это украшение принадлежит к числу самых красивых предметов коллекции. Помещенный в центр подвески нефрит, редкий и дорогой, мог принадлежать только знатному лицу. Этот камень начиная с XV века стал часто встречаться в иранских украшениях. Нефрит, высоко ценившийся в Китае, в Иране пользовался не меньшим спросом: ему приписывали важные свойства. Энциклопедист аль-Бируни (973–1050), который был врачом при дворе Махмуда Газневи, в своем «Всеобщем трактате о драгоценных камнях» уделяет нефриту много внимания. Он пишет, что этот камень дарует его владельцу победу над противником – по этой причине турки вставляли нефрит в свои мечи, седла и пояса. Считалось также, что этот камень излечивает от боли в желудке, поэтому его носили на шее как амулет, ради его целебных свойств. Возможно, именно таково было и предназначение этой подвески.

Прекрасное украшение в эллинистическом стиле. Четыре обнаженных женских фигурки напоминают древнесемитские изображения богини Астарты. Возможно, здесь они представляют древнеиранских богинь плодородия – вероятнее всего Анахиту, которая при Селевкидах была отождествлена с греческой Артемидой и культ которой сохранялся в провинции Гилян очень долго. Женские фигурки этого украшения находят параллель в бронзовой фибуле из Луристана (Собрание Форуги), которая датируется VII в. до н. э. Они похожи также на маленькую бронзовую статуэтку парфянского периода, хранящуюся в Государственных музеях Берлина. Все эти произведения, несомненно, происходят из Ирана: несмотря на то, что изобразительное искусство стало при Сасанидах более целомудренным, оно не отказалось от изображения обнаженного женского тела. Кубки и кувшины продолжают украшаться чеканками, представляющими вакханок и музыкантш, обнаженных или едва прикрытых прозрачными одеждами, что очень напоминает сцены дионисийских празднеств.

Это украшение – типичный образец сасанидских ювелирных изделий, для которых характерны использование больших полудрагоценных камней в золотой оправе и тщательная отделка. Фибула с узором в виде лучей изображает солнце, подобно чеканному золотому диску на одном из ожерелий (см. каталог); диск происходит из того же региона, но он древнее фибулы более чем на тысячелетие и относится к раннему периоду истории Ирана.

Северный Иран,
сасанидский период,
III–IV вв.

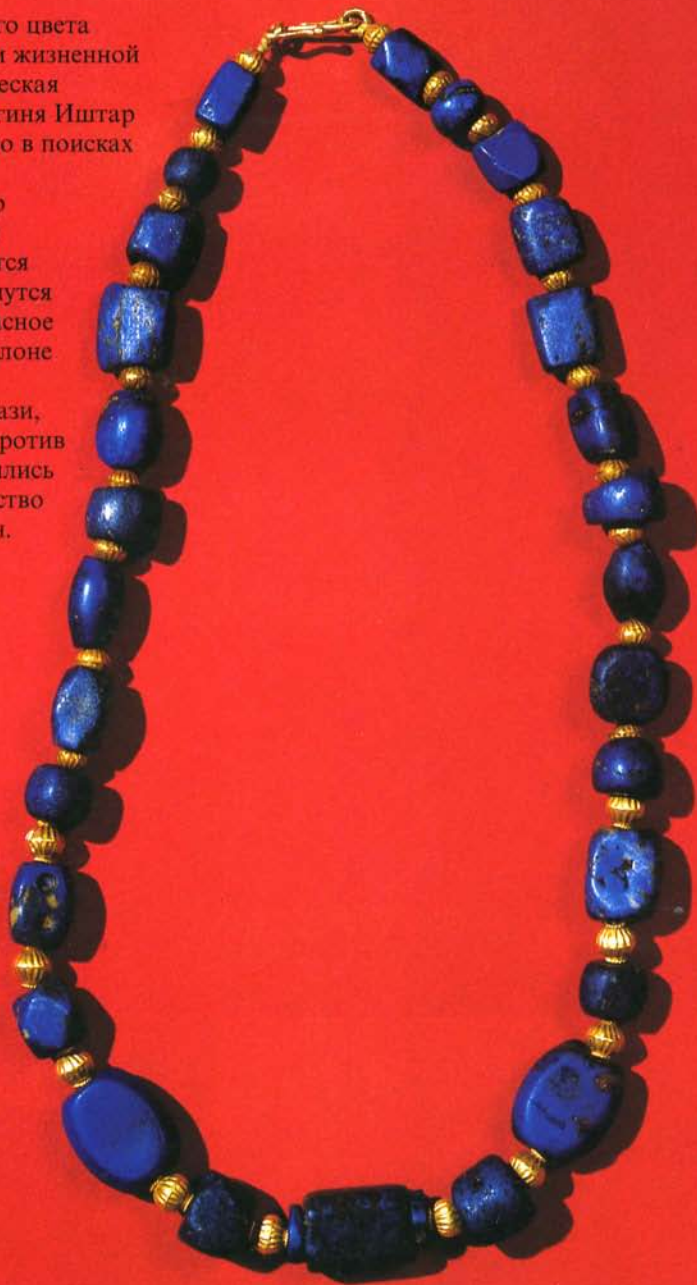
Ожерелья из горного хрусталя молочного цвета. Одно из них представляет собой ряд бусин разной формы, сгруппированных по размеру и разделенных бусинками из лазурита. В другом ожерелье бусины в форме фиников чередуются с золотыми бусинами в форме оливок и бусинками из лазурита. На некоторых бусинах в обоих ожерельях имеются следы синей эмали. Длина ожерелий: 60 и 64 см. Инв. 67 и 68

Нам мало что известно о добыче и использовании на Востоке в древности горного хрусталя. Синяя эмаль на бусинах, по-видимому, имитировала столь любимый на Востоке лазурит, который было трудно достать: его привозили издалека, из горных

месторождений Декана или чаще из Бадахшана (Афганистан). Поскольку эти месторождения находились высоко в горах, они были доступны для разработки не во всякий сезон. Караваны, доставлявшие лазурит на Запад, никогда не везли сырье до конечного пункта; его оставляли в местах перегрузки, где оно могло подвергаться первичной обработке. Поэтому лазурит был редким и дорогим камнем: известно, что даже ассирийские цари сетовали на его нехватку. Древние мастера имитировали лазурит, заменяя его эмалью или другими материалами, окрашенными кобальтом.

Благодаря насыщенности своего цвета лазурит считался воплощением жизненной силы. Вавилонская мифологическая традиция гласит, что, когда богиня Иштар спустилась в подземное царство в поисках Таммуза, бога плодородия, удалявшегося в подземный мир на период засухи, он ей сказал: «Когда Таммуз снова поднимется на землю, вместе с ним поднимутся синий лазуритовый Жезл и красное сердоликовое Кольцо». В Вавилоне растертые в порошок лазурит и сердолик входили в состав мази, применявшейся как средство против черной магии, а также добавлялись в раствор как магическое средство для укрепления основания стен.

В античный период считалось, что лазурит оказывает на людей магическое воздействие. Его сравнивали с ночным небом и морскими глубинами. Египетские фараоны любили этот камень. У царей Вавилона и Ассирии он ценился так высоко, что для воспроизведения цвета лазурита в III тысячелетии до н. э. был создан первый из известных на земле искусственных красителей – «египетская синь». Для ее изготовления брали кварц, окись меди и кальцит в качестве щелочной добавки; все это измельчалось и нагревалось до образования однородного сплава. Получившийся краситель использовался в массовом производстве небольших предметов – украшений, драгоценных статуэток и вазочек. Монументальные ворота Вавилона были облицованы темно-синим глазурованным кирпичом, напоминающим по цвету лазурит – камень, посвященный верховному божеству Мардуку.

Ожерелье
с подвеской.

62

Иран, сасанидский
период, IV–V вв.

Подвеска с крупным лазуритом в овальной
золотой оправе с орнаментом в виде
силлошного ряда треугольников из зерни
вокруг вставки. Между вершинами
треугольников – вставки из зерни. По краю
вставки и подвески – ободки из зерни.
Медальон подвешен к ожерелью
из лазуритовых кабошонов и бусин
из горного хрусталя, разделенных
золотыми поясками с двойными или
тройными рядами зерни.
Длина подвески: 3,5 см.;
длина ожерелья: 48 см. Инв. 298

Орнамент подвески этого ожерелья
символизирует солнце.
Узор из треугольников-лучей напоминает
лучевой нимб вокруг лица верховного
божества на парфянских статуях из
храмов в Хатре (Ирак); такие же нимбы
характерны для изображений Митры.

В сасанидский период наблюдается расцвет ювелирного дела, престиж золотых дел мастеров возрастает. На наскальных рельефах близ Персеполя мы видим изображения божеств, царей, воинов, знати в пышных одеждах и с тяжелыми украшениями. Рельефы очень точно передают мельчайшие детали украшений всех персонажей и сами могут рассматриваться как произведения ювелирного искусства. Те же сюжеты характерны для сасанидского искусства торевтики.

Техника дутья стекла по форме, возникшая в позднеимперский период, была широко распространена в Иране, а в Сирии применялась чуть ли не по сей день.

Использование формы уже не практикуется, но некоторые стеклодувы из Дамаска еще используют в целях рекламы античные приемы, так же как и последний стеклодув из Герата, бывшей столицы Хорасана (Афганистан), который придерживается в своей работе древней традиции.

Голубовато-зеленый цвет обычен для изделий из выдувного стекла.

Любопытно, что стекло такого цвета, первоначально возникшего из-за случайных примесей в кварцевом песке, в римскую эпоху (I в. н. э.) получило особенно широкое распространение.

Ожерелье состоит из десяти больших круглых бусин дымчатого стекла, чередующихся с маленькими золотыми бусинами в форме оливок. Бусины разделены золотыми гранулами.

Длина ожерелья: 49 см. Инв. 72

Янтарный цвет бусин этого ожерелья схож с цветом кубка из прозрачного желтого стекла, декорированного рельефными волютами, который, как и это ожерелье, происходит из Дайламана (Гилян). Кубок экспонировался в Париже на выставке 1961 года (Собрание Форуги, Тегеран). Бусины этого ожерелья не безупречно круглой формы. Прекрасными их сделал естественный процесс эрозии стекла, создавший на его поверхности эффект изморози, подобной инею на ягодах винограда при первом дыхании зимы.

Каннелированные бусины из формованного стекла могут происходить из Дайламана – гористого района провинции Гилян, где было найдено большое количество сходных по стилю предметов. Собрание Форуги (Тегеран) насчитывает около полутора десятков вещей из обработанного стекла, например, кубки, напоминающие по форме осиные гнезда, или другие, украшенные орнаментом из рельефных кружочков. Они свидетельствуют о высоком мастерстве стеклодувов юга прикаспийского региона в сасанидский период. Стеклянные предметы с радужной поверхностью из этой коллекции напоминают некоторые из наших ожерелий.

Хотя золотые бусины и являются поздним добавлением, они подобраны по принципу контраста, характерного для изделий древних мастеров. Эта композиция, где обыгрываются разные материалы и формы, где сияние золота сочетается с бирюзовым цветом стеклянных бусин, вполне традиционна, примером чему служат многие археологические находки.

Использование стеклянной пасты, достаточно частое в парфянский период, для эпохи Сасанидов нехарактерно: в этот период предпочтение отдается горному хрустально.

Это ожерелье похоже на традиционные парфянские украшения, составленные из крупных элементов, соединенных звеньями цепочки. Маленькие колпачки придают уплощенным бусинам круглую форму. Окись меди, добавленная в стеклянную пасту на второй стадии плавления, окрасила бусины в красивый бирюзовый тон.

Ожерелье привлекает внимание своей изысканностью и уравновешенностью композиции. Бусины необычной формы прекрасно смотрятся и вполне могли бы послужить образцом для современных ювелиров.

Благодаря своему цвету, напоминающему цвет неба, халцедон в древней Месопотамии был связан с богами и небесными светилами. В Ассирии, как мы знаем из обряда, который отмечал наступление нового года, считалось, будто из халцедона состоит нижнее небо. В эпоху Сасанидов камни тоже наделялись магическими свойствами. Зороастризм, помимо представлений о небе – ипостаси верховного божества, допускал целый ряд божественных воплощений и существование сил-посредников, таких как гении и ангелы, которые связывались с планетами, драгоценными камнями и природными стихиями.

Ожерелье из больших халцедоновых бусин овальной формы, чередующихся с круглыми бусинами меньшего размера из горного хрусталя.
Длина ожерелья: 48 см. Инв. 85 А

Ожерелье из тринадцати халцедоновых бусин почти овальной формы (размер которых уменьшается от центра к застежке), чередующихся с маленькими золотыми бусинками.
Длина ожерелья: 41 см. Инв. 85 В

Бусины этого красивого ожерелья, лишь слегка ограненные, своим чистым, холодным цветом напоминают небо. При взгляде на эти крупные прозрачные халцедоны в памяти возникает массивное ожерелье, украшающее Картира, изображенного на барельефе в Накш-и Раджаб близ Персеполя, – хочется представить то украшение сходным по цвету с нашим ожерельем. Картир, бывший верховным жрецом при нескольких сасанидских правителях, известен своим преследованием манихеев. При Варахране II, в 277 г., он осудил на смертную казнь основателя этой религии – Мани.

В иранской религиозной символике птицы играли важную роль. Согласно надписи из Хатры, орел у парфян считался символом верховного бога-Солнца. Гриф был символом Ахура Мазды. В настенном декоре сасанидских дворцов часто встречаются изображения птиц, силуэты которых напоминают лиру или полумесяц.

Они служат элементом орнаментов из пальметт, стилизованных плодов граната и голов баранов на мраморных фризах царских дворцов в Кише, один из которых был построен при Шапуре II (309–379 гг.). Киш был одним из самых значительных городов Месопотамии еще в эпоху Шумера; Сасаниды избрали его своей зимней резиденцией.

Литые подвески в виде птиц собраны в данном случае в ожерелье, но они могли также служить украшениями для одежды или прически.

На Ближнем Востоке сердолик известен благодаря торговым отношениям, которые с III тысячелетия до н. э. связывали города долины Инда (Хараппу, Мохенджо-Даро) с городами-государствами Месопотамии.

Сердолик является разновидностью халцедона и из-за своего красивого красного цвета и прозрачности пользуется огромным спросом.

Уже в древности люди умели делать его цвет богаче с помощью нагревания или окраски.

В шумерскую эпоху самые красивые и хорошо обработанные камни часто приносили в дар богам. Примером может служить большая веретенообразная пронизь, найденная в Уре.

Она отличается совершенством формы и содержит почитательную надпись в честь царя Шульги.

В иранской религиозной символике птицы играли важную роль. Согласно надписи из Хатры, орел у парфян считался символом верховного бога-Солнца. Гриф был символом Ахура Мазды. В настенном декоре сасанидских дворцов часто встречаются изображения птиц, силуэты которых напоминают лиру или полумесяц.

Они служат элементом орнаментов из пальметт, стилизованных плодов граната и голов баранов на мраморных фризах царских дворцов в Кише, один из которых был построен при Шапуре II (309–379 гг.). Киш был одним из самых значительных городов Месопотамии еще в эпоху Шумера; Сасаниды избрали его своей зимней резиденцией.

Литые подвески в виде птиц собраны в данном случае в ожерелье, но они могли также служить украшениями для одежды или прически.

Ожерелье из двадцати бусин из горного хрусталя, разных по форме и размеру и разделенных мелкими золотыми бусинками. Расположенный в середине ожерелья более массивный камень служит подвеской. Он имеет овальную форму и фасетную огранку в центральной части. Длина ожерелья: 42 см. Инв. 91

Желтый оттенок кварца и грубая обработка камней не позволяют отнести это ожерелье к шедеврам иранского ювелирного искусства. Интересно может быть происхождение камня.

Среди мест добычи горного хрусталя особенно известной была Согдиана – бывшая сатрапия Ахеменидов, а также провинция Бадахшан (Южный Афганистан). Этот регион славился камнями высокого качества: рубинами, лазуритом, горным хрусталем. Он находился под властью Сасанидов, которые пополняли здесь свои запасы полудрагоценных камней.

Аметисты, являющиеся разновидностью кварца, использовались ювелирами древности, за исключением египтян, довольно редко. Должно быть, предпочтение отдавалось камням ярких цветов. Замечательные образцы этого камня происходят из Декана (Индия) и с Уральских гор. Связи Ирана с этими регионами стали более интенсивными после победы Хосрова I в 540 г. над гуннами-эфталитами, открывшей путь на север. Большое число произведений сасанидского искусства хранится в Государственном Эрмитаже; в некоторых из них прослеживается влияние на иранское декоративно-прикладное искусство искусства кочевников.

Благородная простота бусин этого ожерелья подчеркивается простотой общей композиции украшения. Отметим, что горный хрусталь, как все полудрагоценные камни, использовался не только при изготовлении украшений: в одном парфянском доме в Вавилоне среди прочих ценных предметов, датирующихся VII–V вв. до н. э., была обнаружена настольная игра из горного хрусталя.

Северный Иран, предположительно сасанидский период, IV–V вв.

Серьги из гладкой золотой проволоки-крючка, украшенные каждая двумя парами турмалинов разного размера. По краям крупных камней золотые пояски с двойными рядами зерни. Застежка и стержень у края мелких камней декорированы проволочной спиралью. Длина: 2,9 см. Инв. 82

Этот тип украшений сохранился до наших дней. Форма серег восходит к древности: она еще досасанидского времени. Подобные серьги могли носить римлянки и их современницы на Востоке.

Этот тип украшений, представленный в коллекции несколькими образцами, можно отнести и к парфянской эпохе. Датировку, как и происхождение ожерелья, нельзя считать окончательно установленными: с одной стороны, парфянские украшения, изображенные на скульптурах из Хатры или Пальмиры, часто состоят из кабошонов сферической или кубической формы,

соединенных цепочками и кольцами; с другой стороны, надо учитывать, что традиционные формы в работах провинциальных мастеров сохранялись дольше – это относится и к областям вдоль побережья Каспийского моря, расположенным в стороне от главных торговых путей.

В парфянский и сасанидский периоды кубические бусины были очень модны; в коллекции Патти Кадби Берч они представлены многочисленными образцами. Но несмотря на то, что кубические бусины выглядят удивительно современно, позднее в ювелирном искусстве Востока они уже не встречаются. Гранаты использовались в ювелирных изделиях той эпохи довольно часто, хотя в известном смысле были новинкой: для шлифовки граната, почти столь же твердого, как алмаз, требовались инструменты и приемы, которыми гранильщики античности не обладали.

Ожерелье из двадцати девяти каменных и керамических бусин в форме пряслиц. На некоторых видны гравированные кружки. Большие бусины чередуются с меньшими по размеру гранеными бусинками из сердолика. Длина ожерелья: 56 см. Инв. 86

Точно указать дату изготовления этого ожерелья из бусин разного времени невозможно. Маленькие керамические бусины в форме усеченного конуса и вовсе не поддаются датировке. Керамика в ювелирном деле употреблялась очень часто, особенно для изготовления бусин в форме пряслиц, которые впервые появились в Египте и Месопотамии в IV тысячелетии до н. э. На Ближнем Востоке эту форму стали широко применять в III тысячелетии до н. э. Выгравированные кружочки напоминают орнаменты на пряслицах – грузиках, служивших для натяжения нити (в ручном ткачестве ими продолжают пользоваться и в наши дни).

Часть пояса из трех круглых лазуритовых бляшек и двух прямоугольных изогнутых пластин с четырьмя гранатовыми вставками в каждой. Камни – круглый в центре и овальные по бокам – в золотой оправе с орнаментом из маленьких треугольничков и ободков из зерни по краю; посредством тонкого шарнирного соединения камни скреплены с пластинами, орнаментированными треугольничками из зерни. Диаметр центрального камня: 6,5 см.; длина передней части пояса: 32,5 см. Илл. 123

Этот экспонат – один из шедевров коллекции Патти Кадби Берч. Его почти варварское величие характерно для поздней античности. Большие лазуритовые камни происходят, скорее всего, из Афганистана, а точнее, из месторождений Сар-и-Санг в горном районе Бадахшан; эти месторождения, известные с древности, разрабатываются до сих пор. Стиль изделия, простой и величественный, напоминает стиль царских украшений на рельефах Накш-и Рустам (близ Персеполя). Орнамент из треугольничков связан с солярной символикой.

Северный Иран; возможно, сасанидский период, IV–V вв.

Золотые серьги имеют форму параллелепипеда, в каждую из сторон которого вставлен гранат. От его основания спускается гроздь из трех полых бусин, снизу украшенных зернью.

Высота: 3,9 см. Инв. 89

«Архитектурный» вид этого украшения – характерная черта ювелирного искусства Сасанидов. Введенные в моду в это время большие пустые объемы впоследствии будут использоваться мастерами-ювелирами мусульманского и сельджуковского периодов.

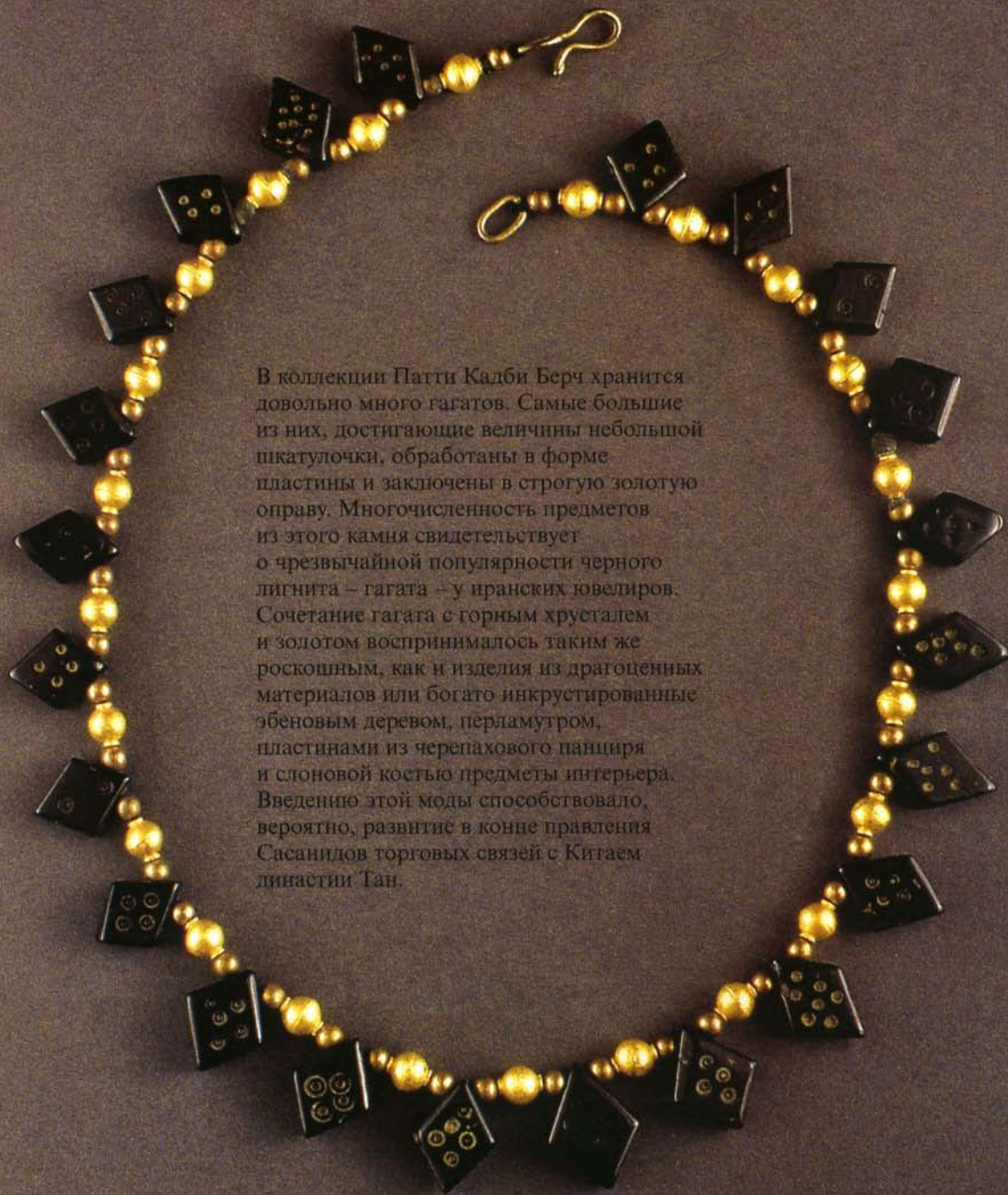

Горный хрусталь привозили на Ближний Восток издалека. Здесь его хорошо умели обрабатывать. В Сузах была найдена прекрасная маленькая чашечка из горного хрусталя, овальной формы и с гравировкой, оправленная в золото с инкрустацией. Этот прекрасный образец ювелирного искусства эпохи Сасанидов в настоящее время хранится в Лувре.

Ювелиру удалось создать удивительно красивое произведение благодаря использованию естественных свойств и цветов разных материалов: прозрачность горного хрусталя контрастирует здесь с насыщенной синевой лазурита и мягким блеском золота. Интересно, что именно такое сочетание цветов использовалось художниками эпохи Просвещения во Франции и Голландии для изображения сцен из жизни Богоматери – Благовещения, Рождества, Бегства в Египет. Одежды Марии обязаны своим цветом именно ляпис-лазури – лазуриту, измельченному в порошок и добавляемому в краски в качестве вяжущего вещества и пигмента.

В коллекции Патти Кадби Берч хранится довольно много гагатов. Самые большие из них, достигающие величины небольшой шкатулочки, обработаны в форме пластины и заключены в строгую золотую оправу. Многочисленность предметов из этого камня свидетельствует о чрезвычайной популярности черного лигнита – гагата – у иранских ювелиров. Сочетание гагата с горным хрусталем и золотом воспринималось таким же роскошным, как и изделия из драгоценных материалов или богато инкрустированные эбеновым деревом, перламутром, пластинами из черепахового панциря и слоновой костью предметы интерьера. Введению этой моды способствовало, вероятно, развитие в конце правления Сасанидов торговых связей с Китаем династии Тан.

Ожерелье из гагатových бусин. Некоторые бусины напоминают по форме финики и подвергнуты огранке, другие имеют овальную форму с отделкой продольными желобками. Большие бусины чередуются с круглыми маленькими золотыми бусинками. В середине расположена большая треугольная бусина, служащая подвеской. Длина ожерелья: 63 см. Инв. 103

Считать, что это ожерелье относится к эпохе Сасанидов, нет других оснований, кроме характерного вида овальных бусин с желобками, которые задают ритм всей композиции изделия. Серебряные вазы и кубки с каннелированным туловом свидетельствуют о популярности этой формы в сасанидский период.

Гагат, разновидность лигнита (бурого угля) – волокнистого и твердого материала – был, по-видимому, одним из любимых камней сасанидских ювелиров. Узор в виде гравированных кружочков встречается и на других изделиях из гагата, представленных на выставке. Нельзя точно определить, что означал орнамент: может быть, имитацию узоров на крыльях бабочки или панцире черепахи? Не сказывается ли здесь дальневосточное влияние? Китайцы украшали таким орнаментом панцири черепах, и перья были знакомы с их искусством: известно, что иранские посольства бывали в Китае в VI и VII вв. – например, при царе Каваде I. Китай, в свою очередь, возможно, тоже испытал влияние сасанидского искусства – если судить по декоративным мотивам на шелковых тканях той эпохи (например, изображениям стоящих друг против друга птиц).

Мода на украшения с большими пластинами из драгоценных или полудрагоценных камней характерна для поздней античности. Это проявление веры в магическую силу камней, веры, которая на Востоке не исчезала никогда и которую в значительной мере разделяли жители этой части Римской империи. Гравированный на подвеске узор в виде глазков тоже, возможно, свидетельствует о магическом характере украшения.

Техника филигрانی – одна из наиболее часто применяемых при изготовлении изделий из золота и серебра как на Востоке, так и на Западе – с успехом использовалась в исламском ювелирном искусстве. Филигрань достигла высочайшей степени совершенства; к примеру, в Испании ее широко применяли на протяжении всего арабского периода истории (VIII–XV вв.).

Испанские ювелиры, опираясь на многовековой опыт, до сих пор используют филигрань в своих изделиях. Горному хрусталу в сасанидский период придавали очень большое значение. Благодаря своей прозрачности он считался не полудрагоценным, а драгоценным камнем и символизировал свет; ему приписывали множество полезных свойств.

92

Ожерелье с
подвеской

Северный Иран,
сасанидский период,
III-VII вв.

Квадратная золотая подвеска с шестнадцатью
гранатами, на цепочке.
Длина подвески: 5,1 см. Инв. 2а

Подвеска свидетельствует о пристрастии иранцев к полихромии и обильному использованию полудрагоценных камней. Такой тип украшений существовал еще довольно долго в исламское время.

Агат и сердолик являются разновидностью халцедонов. Светлый сердолик сочетается в ожерелье с прозрачным агатом: такие камни привозились, главным образом, из Индии, с плоскогорья Декана (к югу от современного Бомбея); другим источником служили горные месторождения Йемена, расположенные между городами Сана и Аден. Полумесяц – мотив, традиционный не только для исламского ювелирного искусства: он характерен и для античных украшений. В греко-римском мире полумесяц ассоциировался с Артемидой-Дианой и часто использовался как элемент ожерелья или диадемы при изображении этой богини. Существовала также смысловая связь между полумесяцем и агатом. Есть предание о шумерском царе, жившем в III тыс. до н.э., который посвятил свою самую прекрасную драгоценность – агатовую бусину – богу-Луне.

Это украшение напоминает ожерелье, найденное в гробнице ахеменидского времени в Сузах, которое составлено из четырех рядов продолговатых бусин, в том числе и из полосатого агата. Обработка этих полудрагоценных камней занимала очень много времени. Сначала гальку в течение двух суток нагревали в глиняных горшках, чтобы ее было легче разрезать. Каждый камень разрезали пополам. За обтесыванием следовало вытачивание бусин из заготовок по форме. Потом камни шлифовали в мельнице, сверлили и полировали. И наконец приступали к наведению глянца, используя абразив из лака и измельченного халцедона.

Как отмечалось, мотив полумесяца у народов Востока неизменно пользовался популярностью. Похожая подвеска в виде полумесяца, отделанная крупными гранулами, была обнаружена в Дилбате (Ирак). Она датируется II тысячелетием до н.э. (ныне в Музее Метрополитен, Нью-Йорк).

Солярная символика приобрела в эпоху Сасанидов особенно важное значение. Шар и полумесяц входили в число основных символов зороастризма – государственной религии Сасанидов – и как символы бога

были главными декоративными элементами корон сасанидских царей, каждый из которых, подобно Шапуру II (309–379), именовался «царем царей, спутником звезд, братом Солнца и Луны». Изображения этих символов всегда присутствуют на наскальных рельефах, в скульптуре, торевтике, глиптике и нумизматике сасанидского времени.

В исламском ювелирном искусстве изображение полумесяца также связано с религиозной традицией. В эту эпоху оно становится еще более популярным.

Северный Иран, конец сасанидского периода, VII вв.

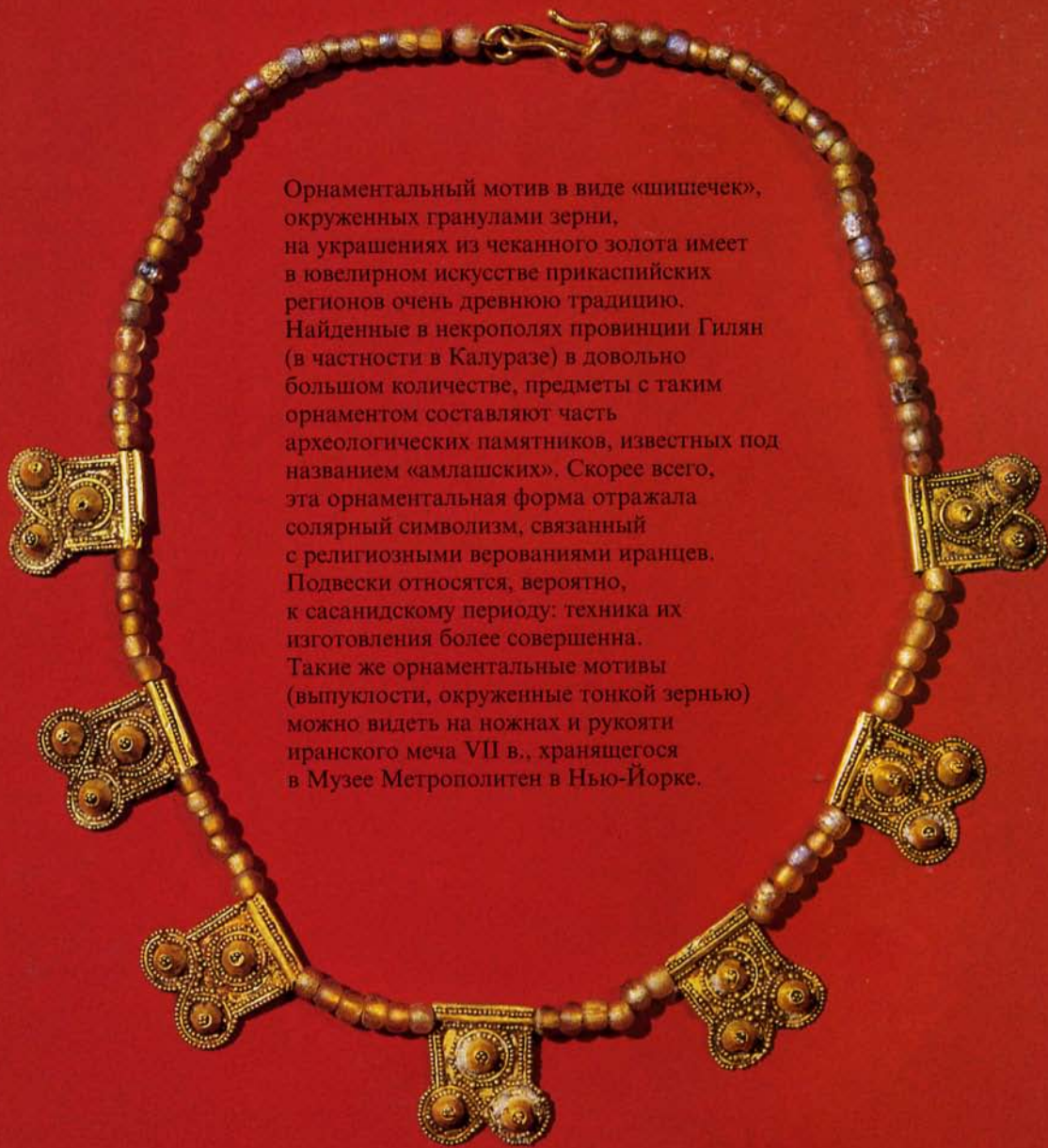
Каждая серьга в виде большой ограненной биконической бусины, подвешенной к «челючку». «Челючок» украшен гранатом и маленькими подвесками. К нижней части бусины прикреплены три шарика.

Эта форма украшений воспроизводилась в восточном ювелирном искусстве очень часто: отдельные примеры встречаются и по сей день. Представленный комплект, вероятно, относится к наиболее древним экземплярам.

Трудно датировать эту вещь, которая, очевидно, относится к переходному времени – границе парфянского и сасанидского периодов. Манера, в которой она исполнена, показывает, что эллинистический стиль исчезает и на смену ему приходит более богатая и одновременно более абстрактная концепция ювелирного искусства.

Орнаментальный мотив в виде «шишечек», окруженных гранулами зерни, на украшениях из чеканного золота имеет в ювелирном искусстве прикаспийских регионов очень древнюю традицию. Найденные в некрополях провинции Гилян (в частности в Калуразе) в довольно большом количестве, предметы с таким орнаментом составляют часть археологических памятников, известных под названием «амлашских». Скорее всего, эта орнаментальная форма отражала солярный символизм, связанный с религиозными верованиями иранцев. Подвески относятся, вероятно, к сасанидскому периоду: техника их изготовления более совершенна. Такие же орнаментальные мотивы (выпуклости, окруженные тонкой зернью) можно видеть на ножнах и рукояти иранского меча VII в., хранящегося в Музее Метрополитен в Нью-Йорке.

Это ожерелье могло бы занять достойное место среди изделий современного ювелирного искусства и образцов высокой моды. К сожалению, оно подверглось переделке, так что его первоначальная композиция, по-видимому, нарушена. Пряжки в центральной части имеют боковые отверстия, через которые должна была пропускаться нить, но они остались свободными. Узор на пряжках напоминает орнаменты изделий парфянского или сасанидского времени.

Это ожерелье трудно датировать. Форма бусин, вполне традиционная, характерна и для ювелирного искусства античности, и для изделий последнего периода правления Сасанидов.

Северный Иран, конец сасанидского периода, VI–VII вв.

Ожерелье из мелких стеклянных и круглых золотых бусин с девятнадцатью золотыми подвесками в виде маленьких треугольных украшенных зернью коробочек, к каждой из которых прикреплены по три цепочки с шариками на концах. Длина ожерелья: 44 см. Инв. 102

Это ожерелье – пример византийского влияния на моду в конце эпохи Сасанидов. На одной из серебряных пластин с чеканкой и золочением, которая воспроизводит сцену охоты Хосрова II (Национальная библиотека, Париж), видно, что ожерелья царя имеют

тяжелые подвески в византийском стиле. В свою очередь производимые в Иране шелка высоко ценились в Византии, а также во всем Средиземноморье, а их орнаментальные мотивы еще долго вдохновляли ткачей в Средние века.

Сложная композиция ожерелья по стилю соответствует сасанидским украшениям, известным полихромностью и разнообразием форм. Это изделие переходного периода. Очень простой орнамент из зерни на треугольных бляшках еще вызывает в памяти традиции эллинистического искусства; в то же время использование полых объемов, членение поверхностей перегородками – это приемы, которыми исламские ювелиры стали пользоваться вслед за персидскими и византийскими мастерами.

Розетка выдает византийское влияние, которое проявляется в точно рассчитанном построении узора вокруг центра и делении поверхности филигранными перегородками на окружности. По стилю это произведение напоминает и сасанидские, и исламские украшения. Границу между ними провести нелегко, так как ювелиры и камнерезы продолжали работать по старым образцам. Подвеска, изготовленная в конце сасанидского периода, предвосхищает формы, характерные для исламского, а в чем-то и для современного искусства.

Форма украшения восходит, вероятно, еще к сасанидскому периоду. Орнаментирование бляшек тонкой зернью в виде розеток – последний отблеск поздней античности. Такой тип маленькой коробочки в исламском ювелирном искусстве можно встретить довольно часто – в дальнейшем эти коробочки превратились в искусно выполненные из драгоценных металлов футляры, предназначавшиеся для хранения текстов магического и благочестивого содержания.

Это ожерелье относится к ряду так называемых «переходных» вещей: оно уже усвоило «пустые» объемы исламского ювелирного искусства и в то же время сохранило четкость орнамента, унаследованную от классической эпохи. Аналогичные украшения изготавливались в это время в Византии. У нас нет достаточно надежных ориентиров, чтобы датировать эти изделия точнее, хотя и при такой датировке они оказываются отнесенными к самому блестящему периоду истории арабов. Существующая здесь лакуна распространяется на глиптику и иконографию того периода и искажает наш взгляд на мусульманское искусство.

Северный Иран, конец периода Сасанидов
начало периода Аббасидов, VII–IX вв.

Две филигранные пластины, состоящие из рядов тонких
золотых завитков, напоминают развернутый хвост павлина.
В верхней части каждой пластины закреплена маленькая
гранат. Снизу серьги продолжают четыре цепочки
с гранатами на концах. Илл. 50

Это украшение демонстрирует сходство
с серьгами, найденными в Ираке
и датирующимися периодом Аббасидов.

Анималистический декор этих бусин подтверждает, что запрет ислама на изображение живых существ никогда не распространялся на светские области искусства. Изображения на сельджукских керамических блюдах, производимых в этот период в Ресе, заселены персонажами с лютнями и кубками в руках. На золотых браслетах эпохи Фатимидов под сетью растительного орнамента угадываются человеческие фигуры. Что касается орнамента в виде рыбок, то уже на протяжении долгого времени они служили в Иране символом супружества: на этом ожерелье рыбки плывут по направлению друг к другу, каждая в своем ярусе.

Золотой объемный браслет с замком, с накладным узором из ромбов и розеток. Одна из розеток служит головкой стержня-застежки.

Диаметр: 8 см. Инв. 20

Тонкая отделка филигранной плетенкой, окаймляющей края браслета, свидетельствует о древности изделия. Золото теплого оттенка отличается редкой чистотой. Декоративные мотивы браслета позволяют отнести его к переходному периоду, для которого характерны уходящие в прошлое сасанидские традиции и только начинающая формироваться исламская орнаментика.

Золотое ожерелье из позвесок в виде шариков, которые отделаны филигранью, обрамляющей на их поверхности восемь равных ячеек. Позвески прикреплены стерженьками к нитке из колец, украшенных зернью.
 Длина ожерелья: 50 см. Инв. 107

Этот тип бусин воспроизводится в ювелирном искусстве из века в век. Однако более поздние по времени изделия украшены не столь густой зернью. Между XI и XIII вв. Сельджукский Иран становится одним из главных центров ювелирного ремесла, наряду с Египтом и Сирией, находившимися под властью Фатимидов. Золото, с которым работали мастера в то время, происходило из разных мест: в Египте использовали африканское золото, а в Иране – добытое в Центральной Азии или золото местного происхождения. Относительное изобилие материала отчасти объясняет расцвет производства золотых изделий.

Исламское ювелирное искусство медленно освобождалось от влияния орнаментальных мотивов, заимствованных у Византии и Сасанидского Ирана, хотя некоторые типы украшений, как, например, серьги в виде полумесяца, сохранились и до сих пор. В ювелирных изделиях часто использовались многогранники, полые и легкие несмотря на то, что их поверхность могла иметь сложную декоративную отделку. Наше ожерелье отвечает этой новой моде. Оно довольно тяжелое на вид, но очень легкое по весу. Узор из маленьких кружочков напоминает о традициях парфянских и сасанидских мастеров.

Большая подвеска

Северный Иран,
исламский период,
IX–XI вв.

Гербовидная золотая подвеска, с легким узором по краю, инкрустирована тремя каплеобразными гранатами алмазными, расположенными вокруг круглой лазуритовой вставки в центре. Подвеска укреплена на цепочке с крупными бочкообразными и мелкими веретенообразными филигранными коробочками.

Высота подвески: 7,5 см. Инв. 112

Подвеска типична для искусства Сельджукидов. При помощи весьма ограниченного набора выразительных средств ювелир передает ощущение живой подвижной формы, хотя на первый взгляд украшение, с его абстрактным орнаментом, кажется строгим. В оформлении и контуре подвески угадывается личина – намек на лицо человека или кошки: с глазами, носом и ушами. Нечто подобное еще не совсем забывшие традиции фигуративного искусства турки-сельджуки любили изображать на своих гербах.

Благодаря нескольким важным находкам мы знаем, какой успех имели в Средние века украшения объемных форм, выполненные из листового золота или образованные сетью филигранного рисунка, смыкающегося над пустым пространством. Места этих находок – Нишапур, Цезаря, Тибериада – являются нашим единственным ключом к пониманию мусульманского ювелирного искусства в Средневековье, потому что мусульмане, так же как и христиане, не хоронили мертвых с украшениями. Клад, найденный недалеко от Бейрута и гораздо более богатый, чем все прочие, относится к эпохе мамлюков, т. е. ко второй половине XIII в. Его подлинность нельзя считать окончательно установленной. Однако каково бы ни было его происхождение, он подтверждает неизменность стиля украшений-амулетов: футлярчиков из больших полых бусин и из плоских круглых или треугольных коробочек – форм, которые традиционно использовались восточными ювелирами.

Ювелиры Афганистана и Йемена до сих пор изготавливают амулеты-талисманы в форме веретенообразных коробочек (некогда в них хранились записки с целительными текстами). Обычно эти коробочки, сделанные из серебра, прикрепляются к цепочке на манер тефиллин.

Золотое ожерелье из подвесок в форме гранатов, украшенных зернью. Подвески прикреплены к цепочке из четырех листников, выполненных из крученой золотой проволоки.

Длина ожерелья: 41 см. Инв. 270

Это ожерелье с подвесками в виде гранатов – вне времени. Выполнено ли оно арабскими или сасанидскими мастерами – это тоже не имеет значения. Оно вполне могло принадлежать придворным дамам Ширин или Хосрова.

Золотое ожерелье из круглых бусин, выполненных в технике ажурной филигрань. Каждая пара бусин разделена подвесками из гранатов альмандинов, оправленных в золото и украшенных жемчужинами (всего 13 подвесок).
Длина ожерелья: 42 см. Инв. 297

Эти золотые филигранные бусины похожи на бусины из собрания Музея Метрополитен сирийской работы XI века.

Филигрань, которая часто встречается в украшениях исламского периода, — одна из самых древних техник. Она была известна уже в Шумере: тонкие золотые или серебряные нити, каждая по отдельности или переплетенные друг с другом, наплавлялись на поверхность украшаемого предмета; нередко они дополнялись зернью. В дальнейшем филигрань могла либо накладываться на металлическую основу, либо образовывать ажурную поверхность или объем, подобно бусинам этого ожерелья.

Перстень, возможно, служил печатью, однако гравировка на камне неглубокая. Это надпись на арабском языке, сделанная довольно причудливым образом, поэтому ее прочтение может быть лишь предположительным. Различаются слова молитвы: «Во имя Аллаха».

Небольшое утолщение у основания кольца – это нововведение эпохи Сельджукидов. Очень схематичное начертание знаков, мотив луны и звезд – все эти особенности указывают на то, что перстень относится к амулетам – магическим предметам, которые еще недостаточно изучены.

Лазуритовый перстень в золотой оправе; на прямоугольном камне выравнована надпись. В нижней части кольца имеется утолщение, под оправой для прочности укреплены два валика.

Высота перстня: 2,8 см. Инв. 110

Возможно, в оправу был вставлен первоначально другой камень. Надпись на арабском языке сделана не слишком тщательно и довольно причудлива, как это часто бывает при начертании магических формул на амулетах. Форма перстня и оправы характерна для аналогичных изделий эпохи Сельджукидов.

Мотив граната, зерна которого считались символом плодородия, с древних времен использовался в ювелирном искусстве Востока. В Майеровском Мемориальном музее исламского искусства в Иерусалиме хранится аналогичное ожерелье, но более сложной работы: зернь на его бусинах образует фигуры животных и растительные узоры.

Хотя представленное здесь ожерелье и не отличается таким же утонченным исполнением, оно может служить примером мелкого дробления поверхностей, которое характерно для исламских украшений раннесредневекового периода.

Ожерелье

Иран, исламский период,
X–XI вв.

119

Ожерелье из девятнадцати ажурных филигранных золотых шариков, инкрустированных гранатами пиропами, которые (в этом варианте реконструкции) чередуются с двадцатью бусинами из граната альмандина.
Длина ожерелья: 51 см. Инв. 116

Золото, из которого сделаны украшения, происходит, возможно, из северных областей Ирана, где эти предметы в большинстве своем и были найдены; месторождения золота находились недалеко от Каспийского моря, близ городов Дамган, Шиз и Рей. Этот драгоценный металл на протяжении всего Средневековья был предметом постоянной оживленной торговли.

Золотое ожерелье из круглых бусин, на котором укреплены семь бляшек-подвесок в виде стилизованных двуглавых птиц, украшенных филигранью, и восемь маленьких подвесок, состоящих каждая из филигранной бусины и диска с отверстием.

Длина ожерелья: 29 см. Инв. 119

Двуглавая птица была распространенным образом, в том числе и в ювелирных изделиях. Турки-сельджуки тоже охотно использовали этот образ. Всем известно, насколько часто встречается он и в европейской геральдике. Двуглавая птица была элементом военной символики, эмблемой государственной независимости, символом власти и могущества. Подвески в виде птиц, с их простым и четким рисунком, напоминают работы не столько иранских, сколько кавказских мастеров. Изображение стилизовано, так что внешний контур птицы точно вписывается в круг.

121

Своими очертаниями это украшение напоминает ожерелье с подвесками в виде птичек и ажурных дисков (Инв. 119). Очевидно, оба они происходят из одной мастерской. По стилю они похожи на изделия ювелирного искусства древнего Кавказа, в которых ощущается сильное влияние степных народов. Для рассматриваемого периода этот пример не единичен. Данное ожерелье обнаруживает также сходство с браслетом, найденным в Пальмире, в Сирии, и датирующимся XI–XII вв.

Два кулона в форме
птичек

122

Иран, мусульманский период,
X–XI вв.

Обе птички, крылья и хвосты которых исполнены в технике
скани, держат в клювиках по еще одной маленькой птичке.
Снизу украшены тремя бусинами.
Длина: 3,5 см. Инв. 120

Ювелирное искусство фатимидов в Египте (так же, как и ювелирное искусство сельджукидов в Иране) часто использовало образ птицы, несущей в клюве то бусину, то ожерелье, то ленту, то – реже – другую маленькую птичку. Эта птица-посланник, заимствованная из искусства Сасанидов, является символом удачи, добрых вестей и плодородия.

Изображение птицы, вписанное в круг из бусин или сердечек, характерно для сасанидского искусства, особенно для ювелирных изделий из серебра, для архитектурного декора, а также для узора на шелке. Эти подвески, по-видимому, изготовлены в мастерской ювелира сельджукской эпохи.

Золотое ожерелье из копьевидных филигранных листочков, каждый из которых украшен шариком в центре и на конце. Длина ожерелья: 64 см. Инв. 260.

Лишь при помощи лупы можно различить симметричный узор внутри каждого листика. Копьевидная форма элементов ожерелья, столь характерная для исламских украшений, указывает, вероятно, на работу арабского мастера.

Золотой перстень с прямоугольной вставкой в виде гладкого камня розоватого оттенка с гравированной надписью на арабском языке. У основания оправы – двойные валики. В нижней части кольца – чашечка. Высота перстня: 2,9 см. Инв. 123

Это перстень-печать с именем владельца – Абдель Рахман Ахмад. Детали оправы позволяют отнести его к эпохе Сельджукидов.

Перстень был неотделим от личности владельца и служил знаком его социального положения. Принадлежавший Магомету серебряный перстень с сердоликовой печатью был объектом почитания у халифов. Мусульмане любят вспоминать, что фараон подарил свой перстень Иосифу, когда пожелал возвысить его.

Ожерелье
с подвеской

126

Египет или Сирия,
XII в. (?)

Золотая подвеска в виде орла, украшенная
филигранью, с прикрепленной внизу бусинкой
из аметиста. Подвеска соединена с ожерельем
из аметистовых бусин продолговатой формы,
чередующихся с золотыми веретенообразными
филигранными звеньями и маленькими
круглыми бусинками.
Длина ожерелья: 60 см.;
высота подвески: 4 см, Инв. 300

Тонкая филигрань подвески указывает не
столько на иранское, сколько на сирийское
или египетское ее происхождение.

Это ожерелье аналогично некоторым
украшениям, считающимся работой
египетских или сирийских мастеров эпохи
Фатимидов.

Изображение птиц характерно для искусства
Египта и Ирана. Две эти страны были тесно
связаны друг с другом и объединены общей
религией – исламом. Возможно, египетские
мастера заимствовали этот образ
мифической птицы – переносчика душ
умерших или вестника Верховного божества
– в Иране или Византии.

Ожерелье
с подвеской

127

Иран,
XII–XIII вв.

Гербовидная золотая подвеска, верхний край которой в трех точках крепится к планке. Подвеска украшена в центре камнем, а по периметру – фризом из четырехлистников. Прикреплена к ожерелью из сферических золотых бусин и колец из гранул. Длина ожерелья: 40 см. Инв. 9#

Это украшение отличается высоким качеством исполнения. Мотив четырехлистников фриза, окаймляющего подвеску, достаточно часто встречается в период Сельджукидов, но восходит он к более раннему времени. Чистота золота, строгий сдержанный орнамент ставят эту подвеску в один ряд с лучшими изделиями эпохи Средневековья.

Аналогичное ожерелье X века хранится в Балтиморском музее. Подобные бусины встречаются также в украшениях эпохи Фатимидов XI века. Это ожерелье, вероятнее всего, – результат реконструкции.

129

В исламском мире изготовление украшений из драгоценных металлов находилось под контролем властей. Службы монетного двора или «палаты» мер и весов проверяли состав серебра или золота в ювелирных изделиях, поставлявшихся на рынок. Надзиратель следил за работой золотых и серебряных дел мастеров и за качеством изготавливавшихся украшений. Особенно роскошные изделия облагались налогом, и их владелец должен был уплатить «закат», который иногда заменялся пожертвованием в пользу сирот.

Ожерелье из семнадцати ажурных филигранных серебряных шариков с бирюзовыми вставками; размеры шариков увеличиваются к центру ожерелья. Поверхность каждого шарика образуют восемь соединенных окружностей из крученой проволоки. В этом варианте реконструкции шарики чередуются с круглыми филигранными бусинками из серебра. Длина ожерелья: 51 см. Инв. 117

Ношение украшений не запрещалось, но и не поощрялось Кораном. Особенно строго Коран относился к золоту: золотые украшения считались принадлежностью загробного мира. Лишь праведники, допущенные в рай, в качестве вознаграждения получают право носить золото (Коран, сура XVIII-30, XXXV-30). Некоторые хадисы (изречения Магомета) осуждают ношение мужчинами золотых украшений, в том числе перстней и колец. На серебро этот запрет не распространялся – считалось, что у Магомета перстень был серебряным, с печатью из сердолика, и с его помощью Пророк удостоверял подлинность своих посланий.

Золотое ожерелье из ажурных филигранных шариков (всего их 21), инкрустированных маленькими темными гранатами. Эти шарики чередуются с круглыми бусинами из граната альмадина.

Длина ожерелья: 57 см. Инв. 2#

Расцвету художественного ремесла в XI в. способствовал приход к власти Сельджукидов (XI–XIV вв.), которые в этот период правили в Халифате. Во всех отраслях художественного ремесла наблюдался расцвет самобытного стиля. Сельджукское декоративное искусство, одновременно строгое и живое, объединило арабскую геометрическую орнаментiku с более свободными анималистическими и растительными мотивами, восходящими к древней иранской традиции или искусству кочевников.

Две фигурки диких зверей из золота. Их туловища покрыты филигранным орнаментом в виде кружков, а дуга-крючки припаяны к шее и к хвосту фигурок. Глаза сделаны из рубинов. Длина: 2,9 см и 2,4 см. Инв. 125

Несмотря на то, что темы этого украшения близки к искусству Фатимидов (Египет), филигранный кружковый орнамент сближает эти серьги с традицией ювелирного искусства Ирана.

Золотые серьги украшены филигранной плетенкой, образующей контур полумесяца. В нижней части каждой серьги – розетка для оправы камней, сейчас утраченных, по сторонам которой две филигранных полусферы. В верхней части – трилистник из гранатов и две вставки из бирюзы по сторонам от него. Фон декорирован треугольниками и ободками из зерни. Высота серьги: 4,7 см. Инв. 118

Такие серьги изготавливались ювелирами Востока в изобилии. Известно множество вариантов подобных украшений. Они происходят из сирийских, египетских или, как в данном случае, персидских мастерских. В этом маленьком изделии ничто не было забыто – ни традиции Византии, с ее любовью к тяжелым разноцветным камням, ни уроки сасанидских мастеров, прослеживающиеся в орнаменте в виде треугольников из зерни и в использовании крученой филигранной проволоки.

Золотые серьги в форме полумесяца, с цветочным узором, выполненным зернью. Нижний край серег утяжелен рядом полусферических бусин, верхний – подчеркнут рядом изящных розеток из зерни.

Ширина: 4 см. Инв. 126

Эти серьги не похожи на роскошные украшения, которые ввели в моду монголы, обосновавшиеся в Иране, – в ювелирных изделиях, керамике и бронзе. Здесь нет ни листьев, ни лотосов, ни драконов. Присутствуют только традиционные мотивы, которые характерны и для древности, и для поздней античности, и для средневекового Ирана.

Большой золотой диск, украшенный гранатами альмадинами. Тринадцать крупных гранатов расположены вдоль внешнего края подвески, еще тринадцать гранатов меньшего размера окружают центральный круглый камень превосходного качества. Этот диск, который, возможно, не был изначально задуман как подвеска, прикреплен к ожерелью из горного хрусталя, из бусин в форме оливок. Крупные бусины чередуются с небольшими гранатами и круглыми филигранными золотыми бусинами. Гранатовые подвесочки, прикрепленные к нижней части диска, были добавлены позднее.

Диаметр диска: 8,3 см. Инв. 129

Эту подвеску, несмотря на ее богатую отделку, нельзя отнести к «аристократическому» искусству. Скорее мы имеем дело с провинциальной работой: мастер стремился придать изделию роскошный вид за счет избытка золота и камней.

Золотой диск-подвеска с восемью гранатами альмандинами, вставленными в высокие гнезда оправы и расположенными вокруг центрального граната. Промежутки между камнями отделаны филигранью и рельефными «миндалишками». Диск укреплен на современном ожерелье из бусин горного хрусталя и граната. Диаметр диска: 8,3 см. Инв. 128

Простой рисунок этой подвески отражает стремление к ясности и порядку, характерное для искусства XV века. Однако речь в данном случае идет о провинциальной работе, не затронутой новой модой, которая утвердилась в это время в Мавераннахре. Ни один мотив в этом украшении не напоминает то в высшей степени элитарное искусство, которое культивировалось в Самарканде в ближайшем окружении Тамерлана.

